

Огонек

СССР
В. П. Давидов

РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сун Дзин-лин, жена Сун Ят-сена, провозглашена главой китайского правительства в Нанчане войсками, восставшими против нанкинских и ханькоуских милитаристов.

К УЧЕБНОМУ СЕЗОНУ ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО КАТАЛОГ КНИГ „ПЕДАГОГИКА“

Отделы: Дошкольное воспитание. Комплексный метод. Дальтон-план. Вопросы методики. Пособия для педагогов. Учебники и учебные пособия. Праздник в школе. Экскурсия. Краеведение.
АНС. 0-80 книжной торговли,
Ленинград, внутри Гостиного Двора, № 128.

НОВЫЕ КНИГИ

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

в популярном изложении

5 кн. Д-р О. ФЕЙГИН 5 кн.

Кн. 1. Половое воспитание и половое созревание. 32 стр.
Кн. 2. Что такое нормальная половая жизнь. 32 стр.
Кн. 3. Важнейшие ненормальности половой жизни. 32 стр.
Кн. 4. Венерические болезни и половой вопрос. 32 стр.
Кн. 5. Аборт и предупреждение беременности. 32 стр.
Цена всех 5 книг—один руб.

Высыл. наложен. платежом. При высылке денег при заказе пересылка за счет склада. Заказы и деньги направлять: Ленинград, ул. Желябова 17/0. Кооперат. т-во „Провещение“.

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

Все ремесла в одной книге. Плоскостные, столярные, токарные, по отделке деревянных изделий, корзинные, бочарные, картонные, переплетные, проволочные, кузнечные, слесарные, токарные по металлу работы, паяние, лужение, никелирование, выделка ошени, варка мыла, выделка шток, кистей, веревки, производство крахмала, зеркала, обивки, починки, чистки, печенье, малярные, и штукатурные работы, изготовление детекторного радиоприемника.

Со 148 рисунками. Цена с пересылкой 3 р. 50 к., можно посыл. мелкими почт. марк. Заказы и деньги направлять: Книжн. склад „КНИГОВЕД“, Москва, 19, ул. Герцена, 22.

КУРСЫ ЧЕРТЕЖНИКОВ.

ОТДЕЛЕНИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО И АРХИТЕКТУРНОГО.

Отделение РИСОВАНИЯ.
ЗАОЧНОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ
при Краевых Промышленно-Экономических
и Художественно-Технических Курсах

„ПОЛИГЛОТ“

состоящих в ведении Сеп.-Кавк. Крайпрофобра
ПРИЕМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЧА ОТДЕЛЕНИЯ:
бухгалтерия, топография, каллиграфия и др. предметов.

По оконч. курса учащиеся подвергаются испытанию в спец. комиссии и получают свидетельство.

Требуется бесплатно проспекты и условия.

ПЛАТА ПОМЕЩАЮЩИМ: от 1 до 3 р.

Адрес: Ростов на/Дону, „ПОЛИГЛОТ“

ВСЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ:

высылается по подуч. денег от 1 р. или нал. плат. (при нал. плат. перес. за счет заказчика).

Переводные картинки и листы для вырезания и склеивания (50 разных) по 10 коп. лист.

Рельефы, картинки для наклеивания—20 коп. лист.

Цветные карандаши—12 шт.—40 коп. 6 шт.—22 коп.

Аква. краски на нал. „Малютка“—5 коп. палитра. Открытки для рабкр.—2 коп. шт.

Больш. аква. краски на поллитрах 6 кр.—10к., 9 кр.—12к., 12 кр.—15 к. и нежные детские книги и развлеч. по запросу.

Оптом скидка.

Москва 19, ул. Воздвиженки и Арб. ил., „МАЛЮТКА“.

Музыкальные САМОУЧИТЕЛИ И. Перекрестова, по цене более

ДОРОГИЕ, НО

единственные по своей легкости. Каждый сразу начинает играть!

Общий цифровой самоучитель

ДЛЯ ГИТАРЫ

МАНДОЛИНЫ И БАЛАЛАЙКИ с новыми песнями, романсами и проч., высылается за 2 р. 85 к.

ДЛЯ ГАРМОНИИ

(двухр.) такой же самоуч. с 80 муз. экз. М.М. Высыл. за 2 р. 85 к. „Русско-Иностранная Книга“.

МОСКВА, улица Герцена, д. 9/3.

УЧИТЕСЬ САМИ

играть с помощью самоучителей по нотно-цифровой системе!

НА ГАРМОНИКЕ

Самоучитель Сергеева Голубева для венской двухрядной, русского или немецкого строя, в 21 клавиш и 12 басов, с приложением 20-ти пьес (песни, революционные, новобитовые и танцы), п. 1 р. 75 к. 2 альбома пьес (по 10 М.М.). Цена каждого альбома—75 к.

НА БАЛАЛАЙКЕ

Самоучитель Илюхина, п. 1 р. 50 к. 2 сборника пьес, цена каждого сборника—60 к.

НА МАНДОЛИНЕ

Самоучитель Петрова, п. 1 р. 50 к. 18 альбомов от 50 до 75 а. за каждый альбом.

НА ГИТАРЕ

Самоучитель Успенского, п. 1 р. 75 к. 6 альбомов от 50 к. до 75 к. за каждый альбом. Самоучитель Любавина (только по цифровой системе—2 р. Альбом Любавина (только по цифровой системе)—2 р.

СТРУНЫ

и прочие музыкальные принадлежности для всех инструментов, а также:

БАЛАЛАЙКИ, МАНДОЛИНЫ И ГИТАРЫ.

Самоучители, струны и инструменты высылаются по первому требованию наложенным платежом. Заказы до 5 руб. высыл. без задатка, свыше 5 р.—по получении задатка в размере 30% сумм заказов.

Пересылка за счет заказчика. Заказы направлять по адресу: Москва (центр), Негинский, 14/10 МУЗСЕНТОР ГОСЗДАТА

БЕЗ РИСКА

ВЫПИСЫВАЙТЕ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Цены и качество вне конкуренции.

Балалайки

5,50, 7,25, 9,30 и 12.

Гитары

15,50, 19, 22,50, 26,50 и 30.

Мандолины

15, 19, 22, 25.

Гармонии

32, 50, 60, 75, 85 и дороже.

Требуется смета на струнные оркестры.

Требуется за две 8-коп. марки, влож. в конверт, полный издательский прейс-курнт с бесплат. прилож. историей „Музыкальн. инструм., их прошлое и современное значение“, пр.-доп. С. Чеснодина, и стип. табель-календаря.

Бюро „ПОЧТО-ПОСЫЛКА“

Москва, центр. Никольская 16/32.

Почт. ил. 094.

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд-во ЦК ВЛКСМ „МОЛОДЯЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Тверская 37.

Тел. 3-04-44.

К ЛЕТНЕМУ СЕЗОНУ

ВСЕ для СПОРТА для ПИОНЕРОВ

СПОРТИВНЫЕ и ПИОНЕРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и ОБОРУДОВАНИЕ, ЛИТЕРАТУРА, ЗНАЧКИ и проч. Палатки рабоч., санитарн., лесные и пионерские. Полный катал. высл. за 8-коп. марку.

ЭЛЕКТРОТЕХНИКА

для ВСЕХ

ПОЛНАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ

ШКОЛА ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ

в трех книгах

о многочисленных рисунках. Перевод нового популярного труда немецкого ученого Ганса Гюнтера. Содержит: Законы и действия электр. тока. Измерительные приборы. Электродвигатели. Трансформаторы. Электр. освещение. Сигнализация. Телеграфия. Телефония. Радиотехника.

Все книги напечатаны и высл. за 5 р. 50 к. Заказы адресов: МОСКВА, ул. Герцена, 9/3. „РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА“.

МОМЕНТАЛЬНЫЙ АВТОМАТНЫЙ

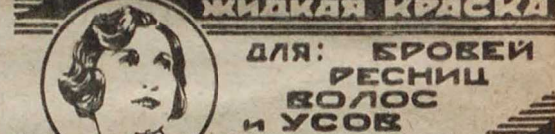
СЧЕТЧИК

(усовершенствованный)

цена 50 коп.

Доступ. всем без затраты энергии и труда, без наставл. и обуч. для готов. результ. умножения, деления, вычисления процентов автоматически с быстротой чтения глаза. Высыл. немедленно по получении заказа и 50 к. За пересылку и упаковку—20 коп. всего 70 коп. (можно марками). Наложенным платежом высылается от 3 руб. Требуется во всех книжных и писчебумажн. магазинах, а также во всех газетных киосках У. М. К. Заказы и деньги налр. по адресу: Москва, 11 почта, почт. ящ. 1083 Атову А. И. ЦУКЕРШТЕЙНУ. Дл. Москвы: писчебумажн. маг. ПУДОВА-Тверская, № 24.

НЕСМЫВДЕМАЯ ЖИДКАЯ КРАСКА

для: БРОВЕЙ
РЕСНИЦ
ВОЛОС
и УСОВ

ХНА-БАСМОЛЬ

Моментально окрашивает в любой цвет, ничем не отличающийся от натурального. Не смывается мылом в течение м-ца. Не пачкает лица и платья. Безвредна. Разрешена Мосздравотделом. Способ применения прост. Высылается почтой наложенным платежом без задатка. При выписке нескольких флаконов за пересылку не платят. Коробка для бровей большая—2 р. 50 к., малая—1 р. 50 к., для волос всех цветов—3 р.

Москва 34, Гагаринский пер. д. № 23, на. 36/3. Провизор М. ЛИПЦ.

НÜТТЕ

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ

в девяти отделах—более 1300 стр.

Русский перевод с 3-го нем. изд. с доп. под общ. ред. горн. инж. Гр. Ив. КВАША.

Этот труд составлен при участии 47 специалистов, пользующихся в Германии большой известностью в области технических знаний.

НÜТТЕ—металлургический является единственным в своем роде вкладом в мировую техническую литературу.

Весь труд выйдет из печати в августе о. г.

Цена по предварительн. подписке, в прочном переплете, переплате с тиснен.—14 руб.

По выходе из печати цена будет значительно повышена.

ПРИ ПОДПИСКЕ ВЫСЛАЕТСЯ ДВА РУБЛЯ.

Приложение вперед всю подписную плату за пересылку не платят.

Подробный проспект этого издания высылается по требованию бесплатно.

Требования и деньги адресовать: МОСКВА, 6, Малая Дмитрия 8/п.

МОСКОВСКОМУ АКЦИОНЕРНОМУ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Григорий. ПРЕСТУПЛЕНИЕ. проз. Звездочетова. Фантаст. роман. 1,15 к.

Жуковский. НА ЛУНЕ. Фантаст. роман. 1,50 к.

Ионан. 20.000 ЛЕТ ПОДО ЛЬДОМ. Фантаст. роман. 1 р.

Клемент. ПОД ДНОМ МОРЕНИИ. Фантаст. ром. 1,25 к.

Ле Фер. ВОКРУГ СОЛНЦА. Фантаст. роман. 1,50.

Либонго. ЗАПИСКИ ШПИОНА. Ром. 1,50 к.

Никитин. ТАЙНА СЕЙФА. Фантаст. ром. 1,20 к.

Трот де Баржи. В СТРАНЕ МИНУВШЕГО. Фантаст. роман. 1,50 к.

Хаггард. БРАТЯ—ВОЛКИ. Ром. 1,50 к.

Эм. КРАСНЫЕ БОГИ. Фантаст. роман. 90 к.

Рони. УДИВИТЕЛЬНОЕ путешествие Гертона Айронштейна. Иллюстр. 1,20 к.

Мухомов. ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. Иллюстр. фантаст. ром. 1 р.

Мюллер. ПИРАТ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ. 70 к.

Луиер. ЗОВ МОРЕЯ. Прикл. морск. 1,70 к.

и ВСЕ кни- гм изда- тельств

высыл. нал. плат. без задатка

Кооперат. т-во „СОТРУДНИК ПРО- ВЕЩАНИЯ“.

МОСКВА 9, ул. Огарева 3.

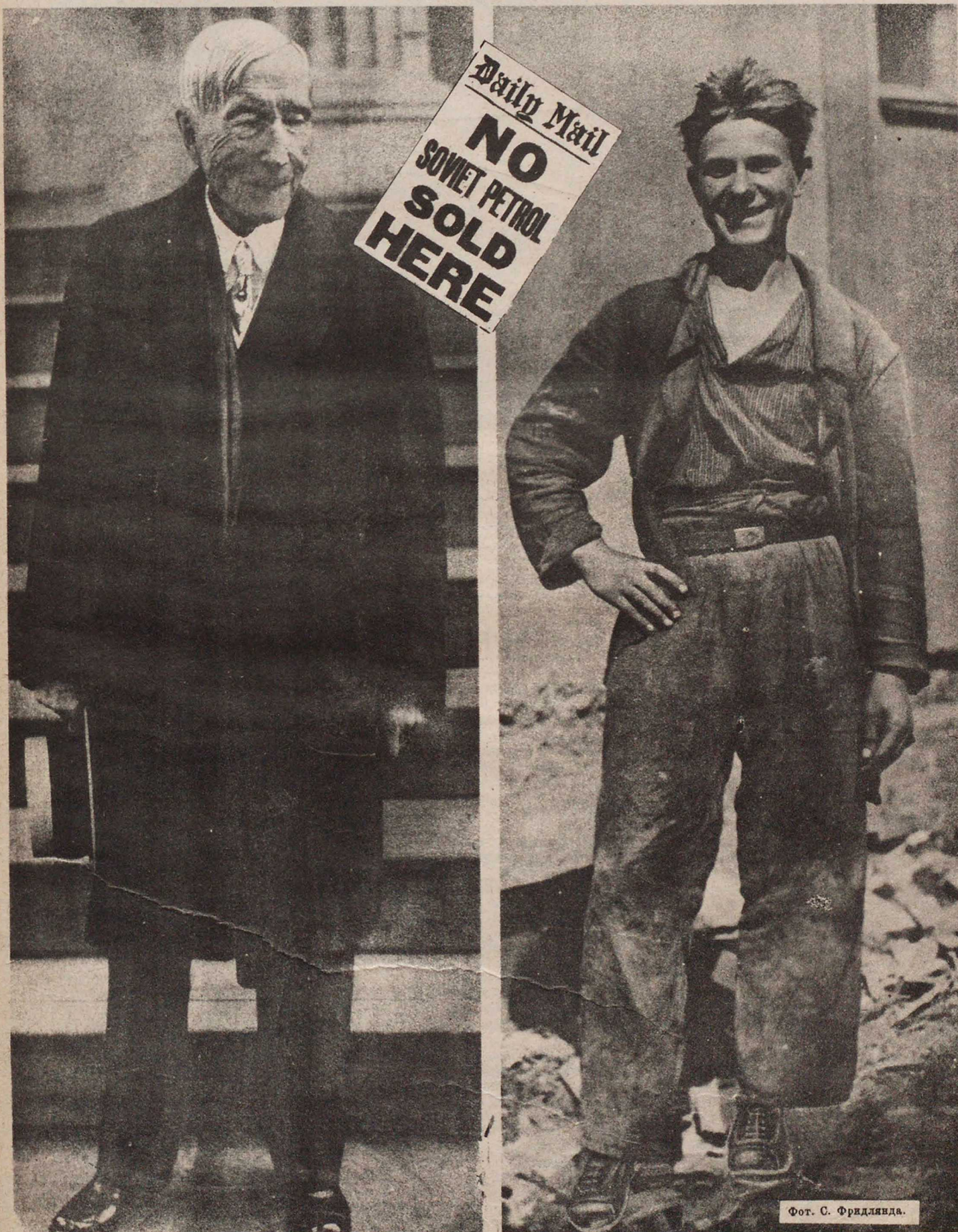
МОСКВА, 9,
ГОСИЗДАТ
КНИГА
„ПОЧТОЙ“

ЛЮБЫЕ
КНИГИ
ИМЕЮЩИЕСЯ на
КНИЖНОМ РЫНКЕ

ВЫСЛАЕТ
НЕМЕДЛЕННО
ПО ПОЛУЧЕНИИ
ЗАКАЗА
Присыл. всея
стоимости впе-
ред—пересылка
бесплатно.

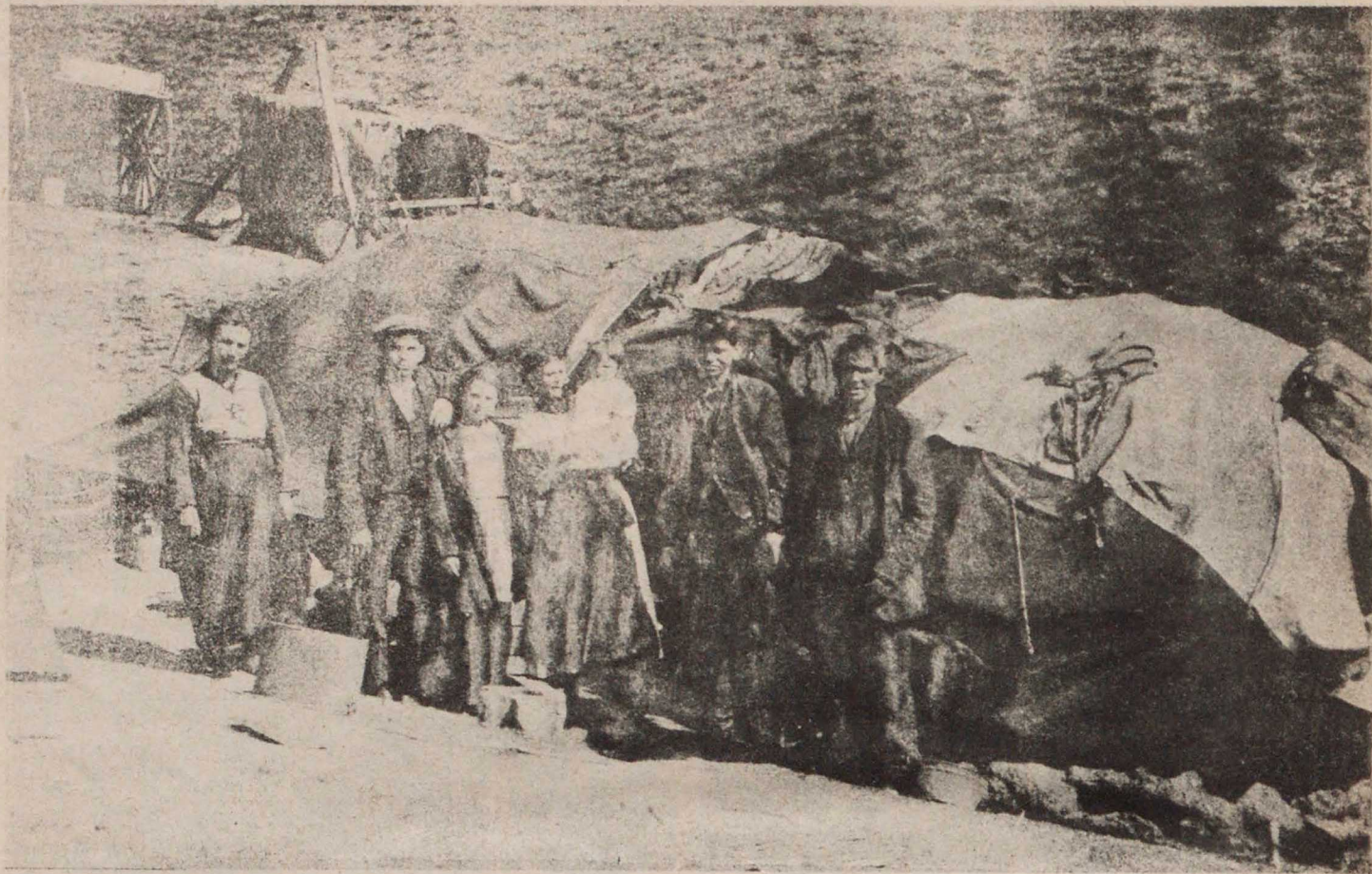
КТО КОГО...

Фот. С. Фридлянда.

Хозяева нефти: Джон Рокфеллер (слева) — глава крупнейшей нефтяной компании «Стандарт Ойл», и наш советский горняк-нефтяник (справа). Наверху — плакат, который предлагает вывешивать реакционная газета «Дейли-Мейл»: «Здесь советского керосина нет». (См. очерк на след. странице).

ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ...

Уже 10-й месяц десятки тысяч горняков не имеют работы. Тесные мансарды и сырые погреба стали не по карману. Хозяева домов и квартир безжалостно выставили их на улицу. Пришлось бы им всем погибать, если бы не городское управление, милостиво разрешившее им занять пустыри за городом, у самой свалки. В просвещенной Великобритании роль беспрозорных играет квалифицированный рабочий—шахтер, а роль асфальтового котла—шалаш из тряпья. Господин Смит недавно рассказывал о «беспорядке» советского рабочего, о его «рабском» положении. Он говорил также о том, что до тех пор, пока английский рабочий имеет избирательный голос, он должен считать себя счастливым. Посадить бы этого самого Смита в шалашик, да подержать там хоть пару месяцев, а потом выслушать, что он запоет, и поможет ли ему его избирательное право, когда наступят зимние дожди и туманы. И на сям же: семья углекопов в Моунтен-Гаре (Южный Уэльс), клячущая в шалаше.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЦИСТЕРНЫ

Совсем недавно в лондонском «Савой-отеле» состоялось торжественное собрание крепкоголовых. О чем говорили? Да все о том же: о необходимости борьбы с красной опасностью, о способах этой борьбы, вплоть до новой интервенции, если только удастся найти подходящие кадры людей, согласных бороться «за идею», а также и за высокое вознаграждение, каковое будет черпаться из фондов добровольных пожертвований.

Есть еще в Англии Минивы и Пожарские! Каждый благонамеренный англичанин знает, помнит со школьной скамьи, что рука дающего не оскудеет.

Вот, например, 75-летний лорд Асквит обеднел окончательно, хоть ходи с сумой. После стольких годов славной дипломатической деятельности — вышел, что называется, в чистую отставку. Он мог бы, конечно, получить пенсию, и не малую, но для этого ему нужно объявить себя нетрудоспособным, а старик не хочет, артачится. Это своего рода английская честность: нежелание обирать казну.

Есть и честность в Англии. За честность такого рода агитирует желтая «Дейли Мейль». Газета призывает не покупать советской нефти, советского керосина. Они, видите ли, краденые.

— У кого краденые?—спросите вы.

Краденые у тех, кто ими не владеет. Мировой рынок нефти захвачен двумя гигантскими трестами: американским «Стандарт-Ойл» и английским «Ройаль-Деч».

Как известно, советская нефть не имеет удовольствия принадлежать ни тому, ни другому тресту; она, так сказать, нефть сама по себе, добытая рабочими Советского Союза и на пользу своего же рабочего

государства. А раз эта нефть не принадлежит ни американским, ни английским капиталистам, значит—она краденая.

До разрыва англо-советских отношений «краденая» советская нефть была желанным товаром на лондонском рынке. Но теперь, когда крепкоголовые продолжают вести кампанию против СССР, они стараются ударить по нас, что называется, и дубьем, и рублем. Вот почему во имя «честности» английские реакционеры кричат о том, что стыдно скупать краденое.

Недавно загорелась целая полемика между американскими и английскими нефтепромышленниками по вопросу о том, покупать или не покупать советскую нефть. Сущность этого спора ясна: под покровом высокой морали иностранные нефтепромышленники хотят отделаться от нашей конкуренции.

Факт этот приобретает особую пикантность, если припомнить, что «Стандарт Ойл» является созданием знаменитого Рокфеллера.

Недавно мы имели случай рассказывать на страницах «Огонька», путем каких беззаконий и преступлений создавал свой трест Рокфеллер, к каким бесчестным способам он прибегал для уничтожения конкуренции и сосредоточения в своих руках монополии Америки. И после этого американские нефтепромышленники — ученики и потомки старого Рокфеллера—позволяют себе разговаривать о честности!

Другое огромное нефтепромышленное предприятие — «Ройаль-Деч» — возникло в 1890-х, и в течение последних двух десятилетий этот трест достиг необычайного развития.

Глава английской организации, Генри Детердинг, перешеголял Рокфеллера и директоров его предприятий—Бедфорта и Тигля. Оба мировых треста, ведя между собой беспрестанную борьбу за владычество над рынками и нефтяными источниками, являются вместе с тем мощными двигателями машины мирового империализма. В самом деле, военные и коммерческие суда, автомобили, аэропланы,—все средства транспорта потребляют из года в год все большее количество горючего, и главным образом—нефть. Тот, кто держит в своих руках контроль над производством и сбытом нефти, тот, поистине, держит в своих руках нити экономической и политической системы мира. Детердинг, глава английских нефтепромышленников, держит в своих руках нефтяные источники Месопотамии, Египта, Явы, Суматры, Борнео и Индонезии. Детердинг хотел бы прибрать к своим рукам и советскую нефть для того, чтобы раз навсегда покончить с конкуренцией СССР.

В наших нефтяных источниках кроются и источники той антисоветской кампании, которая вдохновляется всевластным Детердингом.

Из делового кабинета мистера Детердинга ведут нити к собраниям в Савой-отеле, к истерическим выкрикам «Дейли Мейль» и к призывам крепкоголовых к новому «крестовому походу» на СССР.

Но если фанатичные крестоносцы средневековья шли на завоевание далекой земли под знаком креста, то смехотворное выступление крупнейших дельцов из Сити бесспорно проходит под единым знаменем нефтяной цистерны.

А. Осипов.

Ячейка Бухаринского трамвайного парка состава 1917 г. Второй справа — т. Малышев.

Фот. С. Фредлянда.

10-ЛЕТИЕ БУХАРИНСКОЙ ЯЧЕЙКИ

Письмо Н. И. Бухарина

Ячейка НКВД Бухаринского трамвайного парка.

*Дорогие товарищи и друзья!
Сегодня поздравляю вас всех с десятилетием вашей ячейки.*

Дорогие друзья! Сегодня еще раз поздравляю вас всех, сожалею, что не могу сам выразиться к вам, чтобы всем вам передать сердечные приветствия и пожелания великого успеха.

Преданный вам Н. Бухарин

Москва, 26 июля 1927 г.

„Ячейке ВКП(б) Бухаринского трамвайного парка. Дорогие товарищи и друзья! Горячо поздравляю вас всех с десятилетием вашей ячейки.

„Десять лет — срок немалый в наше бурное время. Наша партия имеет за собой уже много героических лет, в течение которых она вела рабочий класс нашей страны. Наша партия всегда была великой машиной отбора самых смелых, самых преданных, самых последовательных борцов пролетариата. Наша партия никогда не смущалась ни перед какими трудностями. Ей всегда были отвратительны нитки, пессимизм, вечное брюзжание рохли. Перед трудностями — у нас один довод: готовиться изо всех сил. Перед недостатками — у нас одна задача: смело их вскрывать и исправлять. Но для успеха всей нашей работы необходима абсолютная дружность наших партийных рядов. Партия наша была сильна всегда своим единством и пролетарской дисциплиной, без которой она не сможет сделать ни шагу вперед. Эту дисциплину мы должны не только сохранить, но и всемерно укреплять. С другой стороны, мы должны сами самым энергичным образом бороться против подлости, карьеризма, разной человеческой драки и навоза, который лезет к нам и обливает нас, как господствующую в стране партию.

„Одной из самых важных задач каждой ячейки является сейчас задача вербовки в партию новых рабочих, непосредственно занятых в производстве, укрепление связи с массой пролетариев. Ячейка ВКП(б) — это не теплая компания „приятелей“, это — ячейка рабочих — передовиков. Грош им цена, если они оторваны от массы, если они, сидя на более высоких местах, стали меньше болеть нуждами и запросами масс, если они стали „прохлаждать“ отношения к повседневным заботам этих масс. Только связь с массой делает из нашей партии великую, всеокрушающую силу и в то же время великого строителя новой жизни.

„Дорогие друзья! Горячо еще раз поздравляю вас всех, сожалею, что не могу сам выразиться к вам, шлю всем вам самые сердечные приветствия и пожелания великого успеха.

Преданный вам Н. Бухарин,
Москва, 26 июля 1927 г.“

вайщиков. Так встречали „демократическое совещание“ рабочие Золоторожского парка.

Был организован стачечный комитет трамвайщиков, где активное участие принимали и Золоторожцы. Была создана паритетная комиссия, в которой активное участие принимал А. И. Рыков, как представитель фракции большевиков Моссовета.

Началась деятельная подготовка к вооруженному восстанию, и золоторожцев в том числе.

После объявления вооруженного восстания в Петрограде золоторожцы в ночь на 27-е октября организовали отряд красногвардейцев в количестве 43 чел. Достав оружие в Астраханских казармах, они первыми прибыли к районному комитету, откуда, разбившись на десятки, пошли захватывать милицмейские части и учреждения. Группой отряда также было захвачено большое количество оружия на Казанском вокзале.

29 октября пошли на Алексеевское военное училище, где засели юнкера, и с боя заняли его.

После победы в Москве отряд Красной гвардии из золоторожцев в количестве 38 чел., под руководством т. Малышева, был направлен на калединский фронт.

После всего этого золоторожцы вплотную подошли к вопросам производства. Высший технический персонал и служащие забастовали, пришлось выбрать своих мастеров.

Организовались субботники, где по зову ячейки участвовала беспартийная масса.

Не мало товарищей было выделено на ответственные посты: т.т. Караев, Андрюшкин и Фатин — на хозяйственную работу, тов. Малышев стал заведующим парком, т.т. Афоничев и Соколов — на военную работу.

Много трудностей пришлось пережить бухаринцам за эти годы. Все это теперь в прошлом. Но сейчас, когда на нас надвигается опасность войны, когда империалисты лихорадочно готовятся напасть на нас, бухаринцы встретят их с такой же готовностью, как встречали в годы гражданской войны,

Г. Авестисян,

27 июля ячейка Бухаринского трамвайного парка праздновала свой десятилетний юбилей. В течение 10 лет ячейка, вначале насчитывавшая единицы, прошла все те этапы, которые проходила вся партия и страна. В ней отразился весь исторический победный путь, пройденный нашей партией.

Корни освободительной борьбы бухаринцев (раньше парк назывался Золоторожским) лежат еще в 1905 г., затем — месячная забастовка в феврале 1907 г. и забастовки в 1913—15 гг. Затем — чисто политическая забастовка в знак протеста против разгона II Государственной Думы, расстрела ленинских рабочих в 1912 г.

Февральская революция не застала врасплох бухаринцев. В массах росло революционное настроение. При встречах с руководящими товарищами (руководила организацией в районе в то время т. Землячка) выяснялось, что нужно готовить массы к забастовкам, а, возможно, и к восстанию.

28 февраля, выйдя на работу, узнали, что по фабрикам и заводам идут собрания. Большевики собираются в сторожке и бегло обсуждают события: решили кончать работу.

1 марта, после нового большого митинга, где т. Пискарев, бывший 28 марта вечером на первом заседании Совета Рабочих Депутатов, сделал обстоятельный доклад, он был выбран в члены Московского Совета. Каждый день рабочие собирались и обсуждали происходившие события. Временному правительству было выражено недоверие. Вся рабочая масса была под влиянием большевиков. Была установлена тесная связь с солдатами Астраханского полка.

В августе в Москве происходила подготовка к „всеобщему демократическому совещанию“. Буржуазия, эсеры и меньшевики готовили им торжественную встречу. Готовились „встречать“ и бухаринцы. Ночью на вагоны были вывешены плакаты с большевистскими лозунгами: „Сгинь, капитализм“, „Вся власть Советам“ и пр. И вот вагоны с большевистскими лозунгами вышли на линию. Проходящая буржуазия с удивлением останавливалась и разевала рты на дерзкую выходку трам-

ПОЗАБЫТОЕ ИМЯ

Рассказ Бориса Губера.

I.

Было время, когда пассажиры, проезжавшие мимо, попросту не замечали этой маленькой станции: поезда не задерживались здесь дольше двух-трех минут, и кого мог заинтересовать скучный одноэтажный вокзальчик, в котором не было даже буфета? Чей любопытный взгляд сумели бы привлечь пышные акации, огороженные желтым заборчиком, пожарная бочка, одиноко красующаяся на асфальте платформы, или жалкие домишки еврейского местечка, что рассыпались по обеим сторонам железнодорожного полотна?

Однако давно миновали эти спокойные времена. Все сменилось сейчас, опаленное жарким дыханием войны, и станция преобразилась все больше и больше по мере того, как фронт надвигался на нее. Все гуще загромождались вагонами станционные пути; десятки паровозов, с трудом маневрируя в тесноте, перекликались медными голосами, и бронепоезда, тускло поблескивая окрашенными боками своими, сменяли друг друга — набирали воду, пополняли запасы сваривов и с тяжким грохотом уходили в степь, навстречу фронту, навстречу красным войскам... Местечко все затоплено было обозами, лошадьми, солдатами в серых польских мундирах, и не верилось, что жило оно некогда мирной безмятежной жизнью. Автомобили, чада бензиновой гарью, пробивались к синагоге, где помещился штаб. По узким улочкам, где бывало, только чумазые полуголые ребятишки возились в пыли, — ползли, грохотали тракторы, волочившие за собою чудовищные тела шестидюймовок. А по выгону, истоптанному, изгложенному местечковыми козами, мелькали брезентовые наскоро разбитые ангары авиапарка.

Целую неделю не прекращались ожесточенные бои за обладание станцией, никем не замечаемой досель... Но когда красные части, наконец, овладели ею и местечком, от давних богатств, сосредоточенных здесь, остались только дымящиеся равнины еврейских хибарок, остовы сожженных вагонов на запасных путях, да груды кирпичного мусора, вместо взорванной водокачки.

Поляки успели эвакуироваться. И можно было подумать, что только необходимость эвакуации и заставила их сопротивляться: очистив станцию, они отступали поспешно, без боя, уничтожая на своем пути мосты, деревни, уличники — все, что могло пригодиться противнику.

Уничтожен был мост и на реке Рене, в нескольких верстах от станции.

Правда, это не задержало переброски войск — стояли сухие знойные дни, и река обмелела настолько, что без труда можно было перейти ее вброд. Но, чтобы успешно продвигаться по разоренному краю, нужно было двинуть за реку составы с муклой, фуражем и снарядами, бессмысленно застрявшие на путях. Необходимо было немедленно восстановить разрушенный мост — и на работу был спешно брошен „горем“ — головной ремонтный поезд.

II.

Шолух давно уже сжился с войной, с лишениями и неудобствами фронтовой жизни, с постоянными опасностями.

Он долгое время командовал саперным батальоном и дважды был ранен, по странной случайности в одно и то же место — в левое плечо. Когда его перевели на горем, он в первый же день попал в передрягу: тяжелый вражеский снаряд угодил в платформу нагруженную лесом, огромный осколок бревна, отброшенный силой взрыва, ворвался в двери теплушки, в ко-

рой он сидел за чаем, и смял, расплющил железную печурку вместе с котелком, кипящим на ней. И так велика была привычка Шолуха ко всяким случайностям, что он, прежде чем выскочить из вагона и узнать, в чем дело, спокойно допил свою кружку и затоптал угли, раскиданные по полу.

Всегда спокойный, всегда аккуратно застегнутый, выбритый и крепко подпоясанный, он походил больше на заматеревшего в армии кадровика, или на инженера, предназначенного для мирных, казалось бы, построек дорог и мостов... Веселая улыбка не покидала загорелого лица его. Он хорошо знал, как помогает шутка на работе, постоянно шутил, смеялся с красноармейцами — и действительно, работа закипала тогда еще веселей, еще дружнее и поспешней.

Однако, сегодня Шолух был молчалив, непривычно задумчив и серьезен. Как-то тревожно оглядывался он по сторонам, почти не обращая внимания на работы, и беспрерывно вертел толстые махорочные папиросы, жадно затягиваясь их едким дымом.

— Что это ты, Шурка, скучный какой? — спросил его Ляудон, политком горема, давно уже следивший за Шолухом.

Шолух пришел в себя, слабая сконфуженная улыбка на миг осветила его насупленное лицо.

— Да, видишь ли, ерунда какая, — сказал он, — ни чорта не могу узнать! Переменилось все, что ли? Или я сам переменился?

Он мельком взглянул на Ляудона и, заметив его недоумение, продолжал, объясняя свои непонятные слова:

— Понимаешь, я работал здесь — давно, лет семь назад, как только кончил институт... И мост на Рене тоже при мне строили...

— А-а, вот оно что, — разочарованно протянул Ляудон и, как бы осуждая Шолуха, заскучавшего по таким пустячным причинам, пошел по шпалам, на ходу сгибая со лба свою кубанку с полинявшим верхом не алого, а какого-то кирпичного цвета.

Шолух проводил его долгим обиженным взглядом и снова задумался...

Горем вышел на линию еще утром, чуть свет, но двигались вперед по-черепашьи медленно. Солнце уже взошло, припекало все сильнее, а до реки оставалось еще верст пять.

Весь путь был исковеркан снарядами и польским динамитом. Поминутно приходилось делать остановки, чтобы чинить развороченную насыпь, заново перешивать колею или менять расщепленные шпалы... Сербистро — одиовковая степь растилась вокруг; курганы, большие и маленькие, разбросаны были по ее необозримым просторам; изредка попадались овраги, заросшие дерном и пыльным, точно оловянным, орешником. Дорога извивалась неподалеку — широкая траурная лента ее испещрена была изломанными и брошенными фурами, зарядными ящиками, трупами — человеческими, плоскими, словно бы вросшими в землю, и огромными, раздутыми конскими... Но где же следы былого, тех далеких лет, когда юношей работал здесь Шолух? Ведь все это ничем не отличается от любого иного места той степи, по которой колесит он уже третий год...

И только раз за всю дорогу оживился Шолух.

Случилось это на 244-й версте. Здесь подорвана была бетонная труба, сооруженная для спуска весенних вод, и широкая трещина, похожая на овраг, зияла в на-

сыпи. Красноармейцы подтаскивали к ней тяжелые, плохо просушенные шпалы, складывали их в клетки, постепенно заполняя расселину. Шолух, думая о своем, невнимательно следил за ними... Вдруг он увидел на уцелевшей части устоя надпись „1912-й год“. Аршинные цифры, жирно нарисованные суриком, четко выделялись на сереньком фоне, и, глядя на них, Шолух вспомнил — ведь он сам, отняв у мастера ведро с краской и кисть, выписывал эти исполинские цифры!.. И сразу, точно освещенное этим воспоминанием, с необыкновенной отчетливостью, ясностью встало перед глазами бывшее, — вспомнилось, как тогда, семь или восемь лет назад, гремела, трещала на этом вот самом месте бетонерка, как бегали по мосткам рабочие с носилками... Вот здесь, левее, вздмался тогда досчатый шатер, сарайчик для цемента, дальше устроена была в яме полевая кухня... А работал здесь техник, чернышкий наглый полчок, никогда — даже в самые сильные жары — не снимавший галстука и крахмального воротничка. Звали его...

Но тут память изменила Шолуха, он так и не мог вспомнить, как звали техника. „Где-то он сейчас? — думал Шолух, и прежняя веселая улыбка заиграла у него на губах. — У белых небось... Или сидит себе где-нибудь в тылу, пощелкивает арифмометром“.

III.

Солнце поднималось все выше, все бледней и туманней становилось небо. Воздух был неподвижен, горяч и сух, как на пожаре, и тошнотный сладковатый запах разложения разлит был в нем. Удары и раскаты далекой канонады доносились к реке. Но с запада неумолимо-медленно ползла, надвигалась тяжелая фиолетовая туча, по краям опущенная белым, — она затянула уже весь горизонт, и казалось, что это не пушки, а гром грохочет над притихшей степью...

Даже вчерне не закончены были расчеты, а уже принялись за работу.

Сброшенная с устоев ферма косо уперлась в мелкое дно реки, загромождала пролет, и ее расклевывали, в спешке безжалостно сбрасывая в воду отдельные части. В большом пульмановском вагоно-мастерской частой дробью звенели о наковальни молотки — там ковали башмаки для свай. Красноармейцы-плотники, вперевой тапая топорами, тесали бревна, заготавливали откосы и лежни...

Шолух, веселый, возбужденный, переходил от одной работы к другой. Неприкрытое волнение трепетало в нем, сладостно, точно он после долгой отлучки возвратился, наконец, на позабытую родину. Ведь случится же адское — через десяток почти лет во второй раз работать над одним и тем же мостом!.. И если еще недавно, на линии, не мог найти Шолух даже следов бывлой работы своей, то здесь каждая мелочь вставала в памяти, напоминала далекую юность. Наизусть знакомые устои, облицованные камнем, отражались в реке и точно такую же, как и раньше, была река, по берегам заросшая изумрудно-зеленым камышом. Те же самые, что и раньше, склонились над водою вербы, и одна из них, дулистая, была обожжена молнией... Только вот разве склоны насыпи обросли дерном, да постарел, покосился до сих пор сохранившийся барак, внизу, у самой реки...

И, наконец, Шолух не утерпел — смеясь собственному волнению своему, бегом пустился по тропочке вниз, к бараку.

Барак был пуст, загажен, и пахло в нем как в голубятне. Только сторож жил здесь, да и тот недружелюбно отвернулся в сторону, подхватив с завалинки ведро, зашпал к воде.

— Эй, товарищ, погоди-ка! — крикнул Шолух. Ему очень хотелось порасспросить сторожа, как здесь и что, и тоже знакомым, виданным показало лицо его, покрытое густой черной шерстью... Но сторож пробурчал что-то неразборчивое и, не оглядываясь, уходил. „Ну и чорт с тобой“, — весело подумал Шолух, усаживаясь на грязном пороге и доставая из кармана кисет.

На реке тем временем уже били свай, и песня „Акулина“, пронесенная сквозь войну плотниками в засаленных красноармейских гимнастерках, гремела над рекой:

Отчего машина встала?
Машинист поел все сало...
Давай раз!
Давай еще раз!
Давай еще раз!

В такт припеву, мерно и глухо ударялась о сваю деревянная ручная баба... И Шолуху на миг показалось, что нет никакого фронта: туча заходит, грохочет гром, и мирная трудовая песня льется над рекой, над камышами, затихшими перед грозой...

IV

К вечеру грянул ливень.

Уже подлиннее удары грома раскалывали небо, молнии одна за другой стегали по тучам своими голубыми плетями, и после ослепительного света их еще мрачней, непроглядней становилась гробовая тишина ночи.

Работу пришлось бросить.

Шолух обошел посты, выставленные вдоль павода и перед материалами, заготовленными днем, и засел за чертежи.

Но работалось плохо. Снова и снова наплывали воспоминания о юности, о том, как жил он тут на берегу Рени восемь лет назад. Вспоминалось, как ходил он по ночам со студентом-практикантом на баштаны воровать арбузы... Затем вспомнилась Клавдия, дебушка из села... И с тою же ясностью, отчетливостью, что и давеча, перед развороченной трубой, встал перед глазами поздний летний вечер. Тихо...

Слабый ветерок пахнет полынью. Чуть слышно, сонно шелестят камыши, едва доносятся песни девок, и грустными, несказанно-прекрасными кажутся они изда-лека... А он сидит рядом с Клавдией в тени, у самой подшивы устоя, на том берегу...

„Ерунда!“ — подумал Шолух, упрямо стараясь прогнать из памяти эту картину и пристально всматриваясь в исписанные цифрами листки, прижатые счетной линейкой, как прессом. „Ерунда, работать нужно!“ — сердито повторил он вслух, — тут же понял, что не сможет приняться за работу, пока не увидит того места, где сидел он тогда.

Сердито хмыкая, он натянул на плечи шинель и вышел под дождь.

Ветер швырнул ему в лицо полную пригоршню воды, и это сразу ободрило, осветило. „Может, вернуться?“ — подумал Шолух, но не вернулся и осторожно, чтобы не услышали часовые, спустился с насыпи.

Еще днем через речку проложили досчатые лапы. Отверачивая лицо от ветра, ощущая в темноте дорогу, Шолух перебрался по ним на противоположный берег. Под дождем ничего не осталось от недавних мыслей, воспоминаний, и самое желание притти сюда показалось таким нелепым, что Шолух с трудом удержался от смеха.

— Ладно, не все ли равно! — шопотом сказал он, улыбаясь и думая уже о другом — о том, как продолжать работы завтра.

Дождь хлестал с прежней силой, но гроза уходила, и молнии не вспыхивали больше в ночи. Постепенно глаза освоивались с темнотой, уже можно было разобратся в ней, отличить сваи, торчащие из воды, тяжкий массив насыпи... И вдруг Шолух одновременно увидел и услышал, что кто-то осторожно крадется по берегу, к мосту.

Быстрым, машинным движением убрался Шолух за угол устоя, плотно прижался к мокрому холодному камню, и первая мысль его была, что это кто-нибудь из своих. Он хотел уже окликнуть неизвестного, но удержался. Тот подходил тем временем все ближе, и наконец, Шолух понял, что он подошел вплотную к устоя: здесь осторожные шаги затихли и какой-то осторожный скрежет, будто металлом

царапали о камень, послышался сквозь плеск дождя. Острое — не сознание даже, а — предчувствие опасности пронзило Шолуха. Рука привычным движением метнулась к поясу, но кобура не было — револьвер остался в вагоне.

— „Ну, и чорт с ним“, — подумал Шолух, и неудержимое веселье, как всегда в минуты опасности, заиграло, затрепетало в нем. Попрямее прижимаясь спиной к камню, он боком подался вдоль стенки устоя, неимоверно сжав глаза, чтобы нащупать ими того, кто продолжал возиться за углом... Еще шаг, два — и Шолух увидел какое-то пятно, в темноте похожее на овцу. „На коленках стоит“, — подумал Шолух, готовясь к прыжку. Пятно зашевелилось... Слабый огонек затеплился, загоревшийся ладонями, и в ту же секунду, не давая разгореться огню, Шолух всей тяжестью своего тела обрушился вперед, наваливаясь на чье-то туловище, на чью-то голову, твердую, как булыжина...

Жгучая боль судорогой повела дважды раненое плечо — тот, внизу, молча напрягаясь, вывертывался, вырывался, и Шолух, понимая, что он не сможет справиться один, закричал...

Дальнейшее смешалось в какой-то неразборчивый полубред. Люди, не видные в темноте, бежали к реке, плепали по лавам, что-то кричали — спички их гасли под ветром и дождем... Наконец, помощник машиниста догадался принести тук промасленных тряпок. При багровом свете этого самодельного факела, ронявшего в воду огненные шипящие капли, увидел Шолух черную змейку биффордова шнура, протянутую по песку к устоя. Он наступил ногой на шнур, перевел глаза на пленника, которого крепко держали красноармейцы, и увидел злобное лицо, густо обросшее шерстью бороды... Знакомым, виданным показалось это лицо, злые и наглые глаза... Сторож? Но Шолух понял, что это не сторож. Мгновенно вспомнилось позабытое имя — Вацлав Романов-Штанковский, — и стало понятно, что это — он, техник, некогда работавший на постройке трубы, на 244-й версте.

Борис Губер.

О БИБЛИОТЕКЕ «ОГОНЕК»

ИЗ ОТЗЫВОВ ПЕЧАТИ:

Небольшие, прекрасные изданные и доступные по цене широким кругам читателей, книжки Библиотеки „ОГОНЕК“ имеют своей основной целью ознакомление этих широких кругов с текущей художественной литературой. В числе выпущенных ею произведений имеется ряд хороших, ценных вещей. („Правда“).

На ряду со многими другими достоинствами, библиотечка отличается дешевизной, приятной внеш-

Надо отдать „ОГОНЬКУ“ справедливость: он выпустил, действительно, немало интересного. Книжки „ОГОНЬКА“ изданы хорошо, они дешевы, доступны, они дают в общем неплохой материал для чтения. („Правда“).

Включение

издательством „ОГОНЕК“ в свою общедоступную Библиотеку книжек историко-литературного характера в сопровождении надлежащего комментария и вступительных статей нужно, конечно, весьма одобрить. Очень небесполезные специалистам-литературоведам, они будут с интересом и пользой прочтены и широкой читательской массой. („Красная Новь“).

Некоторые произведения Библиотеки „ОГОНЕК“ разбираются в школах 2-й ступени, как пособие для тематических сочинений. („Рабочий и Печать“. Рыбинск).

АЛЬБОМ СОВЕТСКОЙ САТИРЫ

ИЗБРАННЫЕ РИСУНКИ, ШАРАДЫ и КАРИКАТУРЫ

Б. Антоновского, Ю. Ганф, А. Дейнека, Дени, К. Елисева, Б. Ефимова, В. Козлинского, И. Малюткина, Д. Моора, А. Радакова, Н. Радлова, К. Ротова, М. Черемных.

ностью (превосходные переводы). („На Лит. Посту“).

Новые книжки Библиотеки „ОГОНЕК“: А. Аросев — Московский Совет в 1917 г.; Окорз Балъзак — Любовь в пустыне; В. В. Бересаев — Дуэль и смерть Пушкина; Артем Веселый — Рассказы; Микх. Зощенко — Бледнолицые братья; Вольтер — Кандид; Жорж Дамель — Новеллы; Жорж Занд — Чортово болото; Ефим Зозуля — Поразительные встречи; Микх. Колянов — Серебряная утка, Фееральский Март; В. Лилин — Рыбак; Бл. Королева — Краска; Г. де Мопассан — Рассказы; Поль Моран — Рейские развлечения; Н. А. Некрасов — Воспоминания; А. Пуляй — Рассказы; М. Унамуно — Две матери; Иосиф Уткин — Ни с того, ни с сего; Мустафа Кемаль-паша — Воспоминания; А. Р. Радаков — Рассказы; Д. Дарлинг и К. Л. Никитин — Лилипуты; А. Алексеев — Тюремные рассказы; Объективные очерки; Г. Г. Эверс — Замок с привидениями.

СТИХИ ЖЮЛЯ РОМЕНА

ЕВРОПА

1.

Первый крик жалобы или первый звук гимна
Этим надломленным утром, выскользнувшим из тумана,
Но уже тронутые пятнами Осени!

Шестьдесят уже дней пребывает в войне Европа,—
Европа, моя страна, которую собирался воспеть я.

Каждое утро еще нежит сердце; плоть человеческая
Еще радостно отдает себя свежему воздуху мира;
И кровь еще принимает нежную помощь солнца.

Но вечер тычется в нас мокрой своею мордой,
И блещущий тротуар кидает под ноги небо,
С тех пор как Осень обвесилась этими дождями,
Пронесившимися одиноко, без эскорта громов и счастья.

Европа, страна моя, стала добычей армий!
Шумит под землей континент, словно мешок со змеями,
Окуранными, проспунными и жалящими друг друга,
И подвернувшиеся города трещат у них под зубами.

И Франция, связующая тело мое с Европой,
Множество, меня растворившее, продлившее меня собою,

Почва моих раздумий, земля моего народа,
Дерево, нависающее словами моей поэмы,—
Франция оккупирована от Вогезов до моря!

2.

О, бессмысленный вечер!
— Все
В нем совершается против себя,
И на всем печати: вопреки.

Я свидетельствую, что солдат,
Опорожнивший свой стакан,—
Не хочет идти на вокзал,
Не хочет садиться в вагон.

Он не хочет, чтобы целую ночь
Его поезд толкал и тряс,
Он не хочет поутру встать
Под ангаром, меж двухколок и фур;

Ни соломы колючих пучков
В бомбардируемом блиндаже,
Ни скамьи из глины в углу,
Расползающейся под тобой.

Все забыто,—отвага, месть,
Даже малых радостей свет,
И хоть пьет он уже с утра,—
Опьяниться ему не дано.

Его губы уже не дрожат
При мысли, как входит штык
В человеческую живую грудь,
И запекается кровь
На металле не тешит его.

Он желает лишь одного,—
До смертельной тоски, до корч,—
Нынче же вечером быть у себя,
У себя, среди старых стен.

И накинуть старый пиджак,
И усесться на старый стул,
Пододвинув его к окну,
И вытянув ноги всласть.

И во мраке слушать шаги,
Скрипы мебели, голоса,

И упавшего шарика вскрик,
Покатившегося под буфет.

И с медлительностью следить,
Как старается дотунуть
Через крыши до звезд свой луч
Одинокий фонарь стены.

3.

И все же не верится мне,
Что так безнадежно темно,
Что земля мириадов людей—
Опрокинутая лохань.

И мне вспоминается вдруг
Тот вечер, прекрасней звезды,—
Мы в полночь стояли вдвоем.
Возле шлюза на берегу.

Нескончаемые фонари
Отовсюду струили свет
Столь обильный, что до сих пор
Я о нем не могу забыть.

Всееобъемлющая бессонья
Колыхалась на глади вод,
И у каждого из нас
Сердце сжеглось от мечты,—

Как у воров старинных лет,
Хоронившихся у дорог,
Как у буйной кучки детей,
Набежавшей на сенокос.

Вереницы легчайших дум
Проносились, смыкались в круг
И приплясывали вокруг нас.

Мы могли бы спасти весь мир,
Насвистывая веселый вальс!

4.

Улицы Парижа! Улицы Марселя!
Улицы Лондона! Улицы Берлина!—
Вас поименно зову я!

Чего вы медлите! Чего вы ждете?
Кто сумел обуздать вашу силу,
Кто застопорил кровь вам?

Время пришло вам проснуться, о, буйные толпы!

Некогда вы вели, беснуетесь не глядя на звезды,

Высшее существование верховных владык Европы.

Европа была вашим эхом. Под вашим асфальтом

Разум грядущих гениев бурлил шумом потока.

Все сиянье вселенной,—чем, чем оно было,
Если не заревом всплеск, возникающих между вами?

А теперь вы коснеете в смиренной дремоте,
И кто-то чудовищный заменил вас собою,
Для кого ваши жизни—лишь утеха чрева!

Я зову вас, свободные толпы,
Всех зову, в которых горел я!—
Я зову вас, огни эфемерные,
Задуваемые летним ветром,—
Вас зову, великие пламенники,
Пытавшиеся родить солнце!..

Толпы вокзалов, толпы театров,
И ресторанов, и мюзик-холлей,
Толпы Гайд-парка в мае,
Толпы сентябрьского Лидо,
Толпы судов и верфей,
Толпы живой Европы,
Толпы, противницы смерти,—

Вам говорю я: пора!

Перевел Абрам Эфрос.

КОМАР ВОСТОЧНОЙ ЛЕНИ

Подданные восточного султана роскошно развлеклись на шерстяных коврах, немного грязных, потому что им по двести знаменитых лет, — подданные пили пыльный коричневый чай в чай-хане и чай-чиз, тинули лениво и наслаждались из узорчатых кальянов, играли в „шеш-и-беш“, он же пард... и негромко, не утруждая себя, позевывали и потягивались, беседовали о любознательных новостях базара.

Укрывшись от яростного солнцепека под рваную тряпку, навесом растянута на шестах, толстый турок разомлел в кривой тени, жиры его медленно плавлились, пениво блестя. Но в том же воздухе висели оглушительные ароматы разгоряченных фруктов, наложенных вокруг турка тараканами: абрикосов, персиков, виноградных, дынь. Какой-то безумный человек предпочел проходить в это чрезмерное время базарным коридором (вместо того, чтобы с удовольствием возлещать где-нибудь в чай-чи и приятно беседовать). Этот человек остановился здесь и произнес:

— Эфенди, дай, пожалуйста, мне вот эту гроздь.

— Эфенди, — сказал он же погромче, и турок с неудовольствием приоткрыл левый глаз.

— Дай, пожалуйста, мне вот эту гроздь.

Эфенди не тронулся с места. У него в руке всегда зажат легкий длинный бамбук. Он протягивает его и тычет:

— Вот эту? Эту?

— Да.

— Возьми ее.

Прохожий взял виноград и положил большую монету на чашку весов, а эфенди закрыл левый глаз.

— Эфенди, дай сдачи.

— Других денег у тебя нет?

— Нет.

— После приди за сдачей.

— Мне не будет случая возвращаться.

— Тогда купи у другого.

— Неужели у тебя нет сдачи?

— Есть, но мне жарко и я дремлю. Про- щай.

Прошли года, прошли десятилетия, и нет больше восточного султана, а в Персии снова шах. Он желает стать первым шахом новой династии настоящих фарсов, не в пример свергнутым каджарам — туркам. Правда, невыгодно для основателя национальной шахской династии вести свое собственное происхождение от жарави Похлу- канурма-чи. Титул шаха плохо сочетается с базарным титулом — „мастер жареной требухи“, но это все неважно.

Турецкий народ — на своем прежнем месте, и персидский народ — на своем старом, престаром месте.

Толстые торговцы теперь, как и в самую старь, даже при Шехерзаде, безмятежно млеют в пламенных теплых базарах и про- кинают упрямого покупателя, желающего непременно купить их товар и нарушить тем самым сонливую непрерывность жизни, вверенной аллаху.

По обе стороны кавказских горных льдов струится советская власть. На той стороне, на реке Аракс, в Малой Азии турки-крестьяне в 1923 году равнодушно валились на базарный чай-чи, сосали крепкий персидский чай без сахара. Зевали и играли, опять же, в пард, называемый по фарсиски „шеш-и-беш“, потому что это очень старая игра. А на полях растекалось невозбранное солнце в арыках и отражало сухозноем ленивые земля. На полях осы- палясь рисовый и пшеничный урожай.

Зерно кануло в пылающую почву, сте- бель, стоя, соломился и догорал до вечера. После захода солнца пели над могилами урожая звонную панихиду даровые пла- кальщики — комары.

Турок в Шаруре охватила великоле- пейшая „восточная лень“, и они не стали утруждать себя урожаями, они предпочли голодную на-смерть зиму на 1924 год.

В 1925 году в Абхазии, на чудесном бе- регу Черного могучего моря, советская власть роздала крестьянам пятьдесят тысяч мандариновых кустов для посадки. С ка- ждого куста родится пятьсот мандаринок. Урожай с 50.000 кустов — это 50% полной потребности СССР. Но мандарины одиночи.

За ними нужно ухаживать серьезно и дружки, работать нужно вокруг мандари- нок — тогда они родятся и радостны соком.

А абхазские крестьяне поленились... Они тоже восточные люди.

И „веселый комар, по имени „анофелес“, тонко трубил очередную панихиду по ма- даринам и по крестьянам в Абхазии в 1925 г.

„Пышность и изобилие южных стран, где природа доставляет человеку все: жи- лище, питание и одежду, стоит ему лишь протянуть руку, — в противоположность неприветливой северной природе, дающей человеку право на существование только в награду за тяжелую и непрестанную борьбу с ней. Все это, казалось бы, долж- но было способствовать развитию опре- деленного характера южных народов: ха- рактера ленивого и беспечного, правда, но веселого и жизнерадостного, для которого жизнь среди пышной природы юга, под лу- чами солнца, являлась бы только праздни- ком. Что же мы видим, вместо этого?..

Что же, эти беспечно-счастливые люди, уподобившись, поистине, птичке божьей, они, конечно, заливаются веселыми, подоб- ными птичьим, счастливыми песнями, пес- нями беспечальной, всегда сытой радости, освобожденной от юга трудового?..

Да, да, они любят петь: турки, персы, таджики, киргизы и прочие. Приблизитель- но так же и столько же, сколько и наши русские крестьяне. Может быть, меньше. Но, ведь, восточные мелодии — ах!.. Во- сточные мелодии!

Вместо беспечной веселости — фатализм обреченности. Вера в злорадную неумо- лимость жестокайших богов-истязателей, богов заплочных дел.

Религия пассивности, осмысливающая жуткое, ужасающее ощущение собственного бессилия, „идеализирующая“ для трехсот миллионов индусов невозможность защи- титься от чудовищно свирепых поработи- телей — англичан... Подчинение! Им не в- совершить большое усилие — бороться с вра- гом, чтобы победить...

Какая жуткая „лень“!

„Уже с утра и себя чувствовал нехоро- шо, хотя еще не мог ясно определить, в чем заключается мое нездоровье. К ве- черу мне стало хуже. Голова сделалась тяжелой, в ушах шумело, в темени и ощу- щал тупую беспрестанную боль, точно что- то давил на него мялкой, но сильной ру- кой. Во рту у меня пересохло, и по всему телу постоянно разливалась какая-то ле- нивая, томная слабость, от которой ка- ждую минуту хотелось зевать и тянуться“.

Так начинается у писателя Куприна приступ „восточной лени“. Соплините? — „разливается, ленивая томная слабость, хо- чется зевать и тянуться“...

Пройдет немного часов, и Куприн войдет вполне во вкус этой томной лени. Он бу- дет лежать, выразительно собою изображая эмблему великой слабости. Томная дремота облагает его сознание на две-три минуты „пестрыми кошмарами“, и потом он пробу- ждается, „охваченный смертельной тоской“.

То-есть, „томной ленью“?.. Да, смертельной тоской.

Восточная лень — не какал-нибудь царца без царства, как это часто бывает с другими.

Царца-лень владеет прочными землями, обширными территориями — и как раз в са- мом людном и населенном поясе умерен- ных и теплых климатов. Сотни миллионов подданных у царца-истязательницы.

У нее свой излюбленный способ казни: пытка ленью!

А мастеров-палачей у нее очень много! Во много раз больше, чем подданных.

Веселых маленьких посланцев царя- цы, которая любит зевать и потягиваться.

От ее пытки люди часто бегут, бросая дома свои навсегда, бросаю деревни и це- лые государства — в паническом бегстве. Распадаются бесплодные киринчи и камни дорогих многочисленных построек, крепо- стей, дворцов. Нет храбрецов-охотников поселиться в чудных готовых палатках!

„Бежали тысячи. Бежали уже десятки тысяч. Царице захотелось новых царств, — она послала армию. И побежали сотни ты- сяч, и обезлюдели лучшие государства древней Греции, когда туда дошли крыла- тые армии восточной царини.“

„Веселые трубаки возвестили победу. Ар- мия оставила гарнизон и потекла даль- ше — мощный Рим заколебался, когда она ударила первой атакой о его берега“.

Но не могут победить сотни миллионов! Они остаются... умирать.

И в той же книге, из которой взяты мои цитаты, сказано, подсчитано: что-то поло- вина всех людей умирает по приказу ца- рицы восточной лени...!

Веселые посланцы приносят этим людям сладкое желание зевать и потягиваться от великой усталости. И они умирают — поло- вина всего человечества, в одной только Индии ежегодно полмиллиона, — от сме- ртельной тоски.

В нашем СССР ежегодно пять милли- онов здоровых людей покоряются царине лени и тоски. Каждый год — свежих пять миллионов!

А, ведь, все заразные болезни, вместо взятые, поражают (до войны) в России меньше 12 миллионов! На свете есть страшные болезни — холера и чума, сифи- лис, туберкулез. Много еще других силь- ных названий. Но от одних можно остере- чаться, от других — излечиться, третьи, как холера и чума — приходит „в гости“. Страшно гостит, но — „знают честь“ и ухо- дят...!

Но есть ежегодный набор в пять мил- лионов советских граждан, которые впа- дают в „душевную и физическую вялость, апатию, равнодушие ко всему, даже к са- мому себе“, теряют инициативу, становятся нерешительными, неуверенными, жалкими... „При чем сельскохозяйственное население — пер- вое падает жертвой этого врага“. И этот враг не уходит! Он — не гость, а неотопи- ный хозяин своих постоянных мест.

„И действительно, постепенно, исподволь, в продолжение многих лет, не оставили своей жертвы почти со дня рождения до самой смерти, подтачивает здоровье и силы всего населения данной местности и доно- сит его до настоящего физического выро- ждения. Способствуя истощению организма, он создает предрасположение к заболева- нию другими болезнями, главным образом, туберкулезом, и поэтому... является прямой или косвенной причиной громадного коли- чества смертных случаев“. По подсчету английского врача Крейтона в „Британской Энциклопедии“, царине восточной лени следует приписать половину общей смерт- ности всего человечества.

Ими царини?

У царини много имен. В суеверном крестьянском народе часто боялся назвать по имени страшнелище, чтобы не привлечь его присутствия — и обзывают иносказа- тельно, даже ласково, со страху:

— Тетка.

— Кумола.

И только ругая недруга, белорусские крестьяне обещают ему ласку царини:

— Тряси твоей царини!

У турок есть слово:

— Кыздырма.

И в медицине есть слово:

— Мalaria.

Хаирзон.

Примечание. Цитаты, цифровой и медицинский материал — из книг д-ра Н. И. Латышова — „Мalaria и борьба с ней“.

Смена дежурств.

Вольные движения.

Врут препятствие.

В густом сосновом бору воздух пропитан запахом смолки. Но что это там?

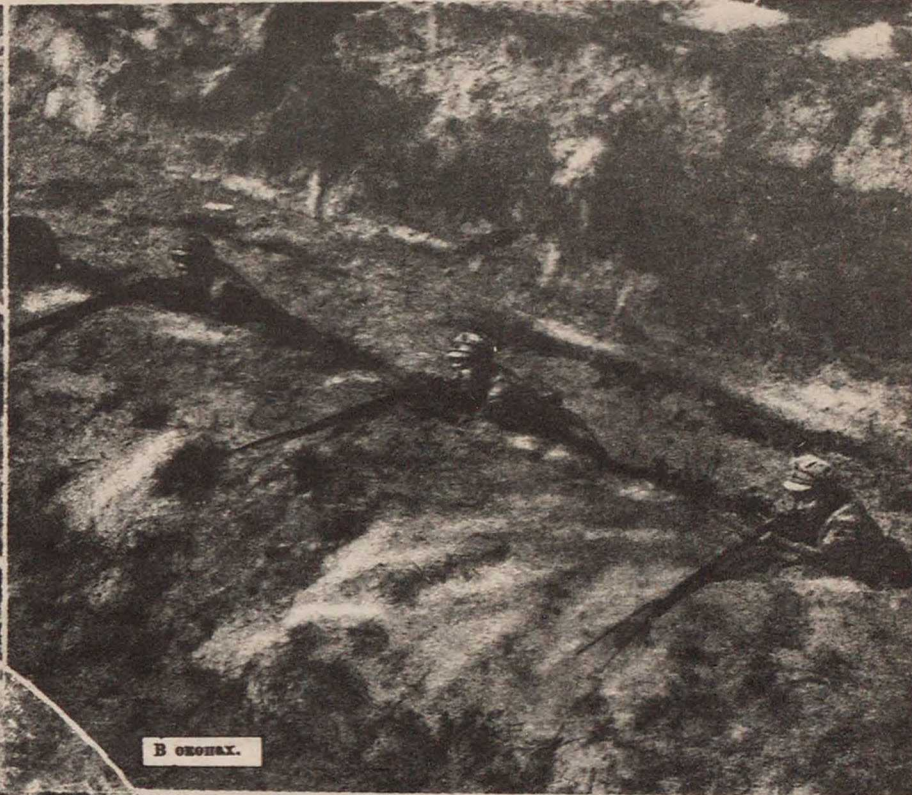
Белеют палатки, и перед нами внезапно вырос полотняный городок. Нас ведут к начальнику клуба. Клуб в большой английской палатке. Все в красноармейской форме.

Красноармейцы? — Нет! Рабочие и служащие, члены Мосо-авиахима, пожелавшие использовать свои отпуска для военной подготовки.

Что привело их в эту минуту сюда, в Серебряный бор, где две недели своего отдыха они проведут в упорной работе по изучению целого ряда военных наук, одновременно практически изучая военное дело?

Стрельба с упора.

В окопах.

Научают ручной пулемет.

— Любопытство?

— Нет! Сознание необходимости в любой

момент быть готовым к обороне Союза, необходимости отразить войну, которую может и хочет навязать нашей стране враждебный нам империализм. Вот почему штатские в 8 часов утра, в 10 часов — они уже красноармейцы с головы до ног не только по внешнему облику, но и по сознанию того долга, который обязывает их. Первый урок — стрельба дробинками. Второй урок — стрельба из винтовок Гекка на 50, 75 и 100 шагов. На 100 шагов — стрельба боевыми патронами. В лагере принято в день обязательное 4-часовое военное обучение. Внешкольной работе, работе кружков, отводится 2 часа 40 минут.

Лагерь Моссоавиахима — первый опыт. Он возник 2-го июля сего года по инициативе Моссоавиахима и командования московского военного округа, при непосредственном участии полтотдела московского гарнизона. Возник в трое суток. В сутки выросли здесь бараки для кухни, появились повара и буфет.

Здесь своеобразный дом отдыха. Ведь, обучая, Моссоавиахим заботится одновременно также и об отдыхе и поправке своего актива.

— Приходят к нам худые и бледные, уходят крепкими, научившимися уверенной, твердой рукой держать винтовку.

В противогазовых масках.

— Первая смена на линию огня! Шагом марш! — раздается команда.

6 человек мерным шагом, держа винтовки в руках, подошли и легли, каждый у своего упора, и, положив винтовку на упор, прицелились. Каждый в свою мишень. В их движениях не было неуверенности. Винтовка приросла к их плечу. Уходя с полигона, мы вынесли впечатление, что активу Моссоавиахима, побывавшему в лагере, не надо говорить: „Будьте готовы!“

Они и так:

— Всегда готовы!

Я родился 16 июня 1860 г. в Чернигове, в семье типографского техника, бывшего там на правительственной службе. Именно служба привела моего отца в глухую провинцию. Как сам он, так и моя мать были коренные москвичи, и вся наша родня была сосредоточена в Москве.

Бывав в детские годы в Москве, в домике моего деда на северной окраине города, я чувствовал себя как бы на родине, хотя оседлость моя была и не там, а в Петербурге, куда мой отец был переведен по службе в 1869 году.

В Петербурге я прошел гимназический курс (1870—1878) и курс историко-филологического факультета в университете (1878—1882). В моем детстве и отрочестве я жил под сильным влиянием отца, память которого чту глубоко. Это был умный, способный и гуманный человек, стоявший в умственном и моральном отношении выше своей среды. Он вложил в меня любовь к чтению и дал первые сведения по истории и литературе. Я начал читать Карамзина и Пушкина лет в восемь или девяти и очень любил слушать рассказы отца о событиях его молодости, прошедшей в соприкосновении со студенческими кружками Москвы.

На семнадцатом году я заболел тяжелой формой тифа, и эта болезнь составила грань в моей духовной жизни. До нее я был беззаботным мальчиком; после нее началась серьезная умственная жизнь. У меня образовались новые знакомства, появи-

лись новые влияния. До болезни я не чувствовал потребности смотреть вперед и определять свой дальнейший жизненный путь; теперь передо мной, как путеводный маяк, стал университет—сокровищница знаний. Пред вступлением в университет мой интерес направлялся к тому, чтобы получить на философской основе литературное образование. Меня манили к себе курсы истории литературы. Но в то время они были поставлены в Петербургском университете не блестяще. Ни Орест Миллер, ни Сухомлинов, ни Незеленов, преподававшие историю русской литературы, не увлекали меня. Александр Веселовский не был мне тогда понятен с его исторической поэтикой. Зато профессора-историки и юристы сразу увлекли меня как личными талантами, так и предметом своих чтений. Наибольшее влияние оказал на меня профессор русской истории К. Н. Бестужев-Рюмин. Он не был оратором: он не „читал“, он просто беседовал, не заботясь о форме своей речи. На филологическом факультете в первые два года моего там пребывания никто другой не мог равняться с Бестужевым по силе влияния на аудиторию. Сухость факультетского преподавания заставляла меня искать умственных возбуждений в аудиториях юридического факультета, где я с великим увлечением слушал А. Л. Градовского и В. И. Сергеевича. Профессор Градовский читал государственное право России и иностран-

ных держав. Он был умный и тонкий лектор, умело облекавший в соответствующую форму рискованные в ту эпоху реакции политические сюжеты. Свобода и независимость от тогдашней строгой цензуры чрезвычайно нравились слушателям, а язвительное остроумие лектора восхищало. Впервые на лекциях Градовского сложились мои представления о государстве и обществе, о целях государства, об отношении государства к личности и о благе личной свободы и независимости. Иной характер имели лекции профессора Сергеевича по истории русского права. Они были верхом изящества, а сам лектор был красив, наряден и изыскан. Он говорил великолепно: звучная и гладкая фраза всегда заключала в себе точную и ясную мысль, поражала силою анализа при разборе древних документов и при характеристике древних правоотношений. Сергеевич любил схемы и знал документы; но, думаю, он мало знал и понимал старую русскую жизнь, потому что мало был знаком с современным народным бытом. Влияние его на мою голову было иным, чем влияние Бестужева и Градовского. В преподавании тех был силен элемент моральный. Бестужев был близок к славянофилам; но оба они проникали в сердце и совесть, будили душу, заставляли искать идеала и моральных устоев. У Сергеевича же хотелось учиться быть лектором: в нем были совершенство техники, красота метода и стиля.

Названным профессорам я был обязан тем, что сделался историком. Когда в начале третьего года пребывания на факультете необходимо было заявить декану

С. Ф. Платонов
в 1884 г.

КРЕСТЬЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

8 мая этого года в небольшом городке Белоруссии — Горы-Горках, Оршанского округа—скромно, без всякой торжественности было положено начало крупнейшему культурному делу, — открыли селянский воскресный университет при Белорусской с.-х. академии.

Этот университет самый молодой и единственный во всем Советском Союзе. Совершенно исключительный состав его слушателей задачи и метод преподавания. Большинство слушателей ведет самостоятельное крестьянское хозяйство, и совершенно понятно, что слушатели университета—исключительно крестьяне, живущие в Горьком районе и имеющие возможность по воскресеньям отлучаться от своего хозяйства в город. Занятия велись пока по земледелию и садоводству, и преследовали цель дать слушателям практические знания, которые они могли бы применить в своем хозяйстве.

Как обучали крестьян? Возьмем, к примеру, следующую лекцию: посев семян яблок. Слушатели сами сеют. Тут же им читается лекция по этому вопросу. Несмотря на то, что нельзя было в одной лекции осветить все, крестьяне не разошлись, пока

им не разъяснили все непонятные для них моменты. Нет лекций без практических занятий, и практических занятий—без лекций; одно дополняет другое,—вот почему усвоение

графа анкеты—„что предполагает сделать слушатель после окончания“: учиться дальше желает 33%, быть культурными хозяевами 67%.

Занятия по семеноводству в лаборатории общего земледелия.

в крестьянском университете так велика. Несмотря на то, что крестьяне обучались в университете всего лишь два месяца и только по воскресеньям, они все же успели применить на практике полученные знания.

Чего ждет крестьянин от университета? На этот вопрос кратко и ясно отвечает

дима помощь литературой окончившим слушателям. На это требуются средства, которыми университет не располагает.

Молодому селянскому университету должно быть оказано заслуживающее внимание. Советская общественность, профсоюзы и шефские общества должны помочь университету деньгами литературой.

Л. Аронович.

факультета свою специальность, я назвал себя „русским историком“. В числе исторических курсов для группы студентов-историков одно из главных мест принадлежало курсам по средней истории (общему и специальному) профессора В. Г. Васильевского. С глубоким чувством любви и уважения вспоминаю я этого великолепного ученого и прекрасного человека. С первого взгляда в Васильевском не было ничего замечательного. На кафедре держался он просто и скромно, говорил не глядя, подыскивая выражения. Нужно было некоторое время, чтобы привыкнуть его слушать; но, к удивлению, привыкали скоро и слушали охотно. С каждым днем для нас становилось все яснее, что мы имеем дело с крупным талантом и цельным характером, мягкость и скромность которого очень далеки от безличия и мелочности.

В семинарии Васильевского была мною сделана первая научная работа на тему, предложенную им в связи с его специальным курсом: „О местожительстве готов-тетрактитов“. Разбору моей работы Васильевский посвятил в семинарии целый час и отнесся к ней в общем благосклонно. Это было первое мое знакомство с Васильевским, послужившее началом долгих и близких моих отношений с незабвенным учителем. Одновременно с работой у Васильевского я работал над темой, данную мне Бестужевым: „Московские земские соборы XVI-XVII вв.“. С конца 1880 г. я целый год собирал источники по истории земских соборов и писал свое сочинение безо всякой помощи со стороны. Оно вышло обширным и вполне, по видимому, удовлетворило Бестужева; но оно было совершенно чуждо его взглядам и не отразило на себе его ученого влияния. В отношении метода и техники я целиком следовал Васильевскому; в понимании же смысла и содержания русского исторического процесса я испытывал на себе влияние лекций и монографий В. О. Ключевского. Ученая репутация Ключевского выросла вдруг около 1881—1882 года. В эти годы он получил кафедру русской истории в Московском университете и напечатал свою докторскую диссертацию „Боярская дума древней Руси“. Московские студенты были очарованы изумительным лекторским талантом Ключевского и широко распространяли литографские издания его курса. Эти издания дошли и до С.-Петербурга.

Весной 1882 г. я окончил курс университета и, так как мой большой труд о земских соборах был уже готов и одобрен, я сразу получил „ученую“ степень кандидата и был причислен к университету. Это причисление не обеспечивало; приходилось искать заработок и идти на должность преподавателя средней школы. В течение слишком семи лет (1882-1889) я был учителем русского языка и истории при значительном числе (не менее 20) уроков в неделю. В то же время надобно было готовиться к устному экзамену на степень магистра и писать и печатать диссертацию для получения этой второй ученой степени. Кроме того, тяжелая болезнь Бестужева заставила его отказаться от преподавания; он уехал лечиться за границу и его лекции были распределены между немногочисленными тогда специалистами по русской истории. В университете заменил Бестужева доктор Е. Е. Замысловский; на высших женских курсах (университет

для женщин) стала преподавать молодежь, оставленная при университете Бестужевым. В том числе и мне была поручена часть курса русской истории, именно XVII век. 3-го октября 1883 года, 23 лет от роду, прочел я свою первую лекцию и немногим позже начал семинарий с группой студентов, моих ровесниц и даже превосходивших меня возрастом. В 1885 г. я выдержал экзамен при факультете; в 1887 году начал печатать в „Журнале Министерства Народного Просвещения“ свою диссертацию „Древне-русские сказания и повести о Смутном времени XVIII века, как исторический источник“, в 1888 году я защитил эту диссертацию на публичном диспуте в Петербургском университете, получил степень магистра русской истории и стал

Академик С. Ф. Платонов у себя в кабинете.

Фот. В. В. Преснякова.

приват-доцентом Петербургского университета. В конце 1889 года безнадежно заболел Е. Е. Замысловский, и кафедра в университете освободилась. Факультет не пожелал пригласить профессора со стороны и поручил преподавание мне. Осенью 1890 г. я был назначен исправляющим должность профессора, и стал полноправным членом факультета. Житейская обстановка моя изменилась совершенно: я попал в условия, благоприятные для ученой работы.

Первою моею печатной работой была статья „Заметки по истории московских земских соборов“ (1893 г.). Она представляла собою извлечение из моей кандидатской диссертации и заключала в себе те мои наблюдения и выводы, которые были новостью в изучении предмета. В этой статье относительно большое внимание было уделено организации земского представительства в Смутное время.

С получением степени магистра настала новая забота—выбор темы для докторской диссертации и работа над нею. Не стану останавливаться на соображениях, приведших меня и в этом случае к той же эпохе Смуты. Самое заглавие написанной мною в 1896—1899 годах книги поясняет ее содержание и цель: „Очерки по истории Смуты. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время“. Очевидно, тема по социальной истории Московского государства была взята своевременно: моя книга выдержала три издания, и к 1918 году готовилось четвертое; кроме того, в 1923 г. был издан ее сокращенный пересказ, составленный мною самим.

С получением степени доктора, с 1900 года, началась новая полоса моей деятельности—учено-административная. Я был деканом своего факультета (1900—1905) и директором женского педагогического института, образованного в составе двух факультетов в 1904 году. Это учреждение было создано трудом группы энергичных и талантливых педагогов, которую мне удалось организовать. Более 10 лет упорного труда в этом учреждении утомили меня настолько, что в 1916 году я решил выйти в отставку и заняться исключительно ученой работой. Но революция вернула меня снова к работе. С апреля 1918 г. по май 1923 г. я работал в Главном управлении архивным делом (ныне Центрархив), куда был делегирован Петербургским университетом при основании этого ведомства. С 1920 года я состою членом Академии Наук СССР, где заведу некоторыми учеными учреждениями Академии.

За все это время я не прекращал и исследовательской деятельности. В 1906 г. я напечатал монографию „Московское правительство при первых Романовых“, издал ряд очерков по истории колонизации русского севера и Сибири, напечатал книгу „Москва и Запад в XV—XVII веках“, в особых книжках дал характеристики исторических деятелей: „Иван Грозный“ (1923), „Борис Годунов“ (1921), „Петр Великий“ (1926). В настоящее время я занят изучением бытовой истории Петровской эпохи, результаты которого публикую в изданиях Академии Наук. Не называю здесь отдельных своих статей, списки которых можно видеть в юбилейных сборниках, которыми почтили меня мои ученики и друзья.

В заключение не могу отказать себе в удовольствии упомянуть, что газетные сообщения в 1919 году обновили о моей кончине русскому югу и загранице. При отсутствии сношений между русским севером и югом целый год нельзя было опровергнуть этих сообщений. С большим любопытством читал я свои некрологи, и в некоторых из них находил сведения о моей жизни и деятельности, очень любопытные, но мне лично до тех пор совершенно неизвестные. Оригинальное чувство вызывали во мне все эти, так сказать, заморские оценки, и не скажу, чтобы это чувство было жутким или грустным. Напротив, оригинальность положения иногда вызывала улыбку. Нехорошо было только то, что две мои дочери, жившие тогда на юге, были повергнуты в печаль утратой отца и не скоро узнали, что могут утешиться.

Акад. С. Ф. Платонов.

ШРАМ НА ЩЕКЕ

Очерк Ник. Погодина.

Антисемитизм... Так бы нужно было озглавить эти заметки, но такое заглавие обаявало бы к большому серьезному исследованию, а мне хочется просто и искренне запечатлеть здесь несколько картинок антисемитизма в нашем быту — вчерашнем, сегодняшнем, — и мне ярко и остро недавно припомнился сверстник детства моего — еврейский мальчик, у которого был кроваво-коричневый шрам на щеке. В одном из донских городков, на грязной окраине, где ютился ремесленный рабочий и нищий люд, жили портные Хацкевичи — наши соседи. Мы — дети темных семей — очень интересовались жизнью Хацкевичей, потому что Хацкевичи были люди странные, не как все, чужие, особые — „жиды“. Нас не менее интересовал армянин-халвичник, но в ином разрезе. Он в своем темном сарае варил чудесные марафеты и несравненную халву, и нам никто никогда из взрослых не говорил, что он „проклятый“, „паршивый“, и если даже он иногда лупил нас — это его поведение особенно не раздражало наших родителей. Сухой, длиннотелый портной Хацкевич нас не трогал и в сумерки собирал у порога, чтобы рассказать нам о том, как надо жить „хорошими мальчиками“, однако мы как-то слышали, что портной Хацкевич — „проклятый жид“, „паршивый жид“. Часто-часто в самом раннем детстве мы, русские дети, слышали это короткое, с какой-то особенной убедительностью произносимое слово:

— Жид.

Слово, взятое в отдельности, на детское сознание не имело бы еще никакого действия, если бы оно не сопровождалось другими словами. И вот, однажды, мальчишка Петька, сын холодечницы, сурово сказал мне:

— Ты с Хацкевичевым Исайкой не играй.

— Почему?

— Он жиденек.

— Ну, так что ж?

— Дурак!.. Его отец кусается... он жидовский колдун.

Это убеждение свое действие возымело тем более, что мой ум был подготовлен к тому, чтобы твердо видеть, что евреи — особые люди, не наши, откуда-то свалившиеся на нашу улицу.

Играя с Исайкой, я забывал совет приятеля, но старого Хацкевича боялся, и однажды, когда он меня вечером у калитки хотел погладить по голове, я убежал с воплями... С тех пор я окончательно не любил всех Хацкевичей.

Иногда, играя на улице, мы останавливались против дома портного, глядели исподлобья в открытые окна, за которыми на верстаке сидела еврейская семья, и старый Хацкевич весело тачал брюки-тантит, — мы останавливались, глядели с нелюдным любопытством издали, и кто-нибудь поозорней из нас кричал:

— Гю... Жиды!..

Мы убегали веселые и счастливые от еврейских окон.

То было в раннем детстве. Позже, лет десяти-одиннадцати, я был участником безобразной и детской затей, которая явилась плодом ранее заложенного во мне и в моих уличных новых сотоварищах антисемитизма.

В том же городе, лишь на другой улице, произошло это. У мальчишек нашей окраинной улицы был старый обычай: „чужих ребят по своей улице не пропускать“. За углом, в каком-то дворе, поселились новые квартиранты. У новых квартирантов было много детей. Мы это все очень скоро выяснили и ве знали, как нам быть — пропускать ли „новых мальчишек“ по нашей улице или бить? Было как-то неудобно бить новых мальчишек, хотя жили они и

за углом, — все-таки живут на нашем краю. Сложный этот вопрос оставался невыясненным, пока к нам не пришло новое инструкционное сообщение, что новые квартиранты — „жиды“.

Вопрос был исчерпан. Мы торжествовали, потому что нам хотелось вообще бить, но было неудобно, теперь же все наши будущие действия оправдывались, и мы готовились... сладостно готовились бить „жидят“.

У нас был Ильюшка, вождь наш, и хоть его выгнали за лень из церковно-приходского училища, но он знал уже, что „жиды нашего христа распяли“.

Признаюсь, меня это очень тогда обидело... Как это так? Был у нас христос, и я ему молюсь утром, после обеда и вечером, а его зыли и распяли... гвоздями... Я удостоверился однажды в правдоподобности этого события у чеботаря Ефима. Он, почесавшись в космах своей головы, сказал:

— А кому ж больше, дураки!..

Чеботарь знал все на свете, даже отчего бывает затмение луны. И вот однажды, в сумерки грязной осени, мы на углу поджидали маленького курчавого, черненького и щуплого сынишку тех ненавистных нам людей, которые распяли нашего христа.

Мы заметили, что он прибежал в пекарню за хлебом. У нас были камни в карманах на случай, если он побежит. Камни были кусками „породы“ из антрацита, собранные на угольном складе, тяжелые, острые, плитками. Ими очень удобно бросать, такой камень летит со свистом, бьет больно. Мы это сами не раз испытывали.

Трепетно ждали... шептались:

— Идет.

— Заходи.

— Забегай.

Ильюшка стоял у столба. Он командовал. Двое мальчишек и я пустились забегать. Мальчик, верно, не знал, что его будут ловить, шел по дороге, так как на немощной глухой улице было у стен грязнее и скользко. Без труда поймали свою жертву. Не били, а хохотали:

— Поймался.

Я помню, как сейчас, как вздрогнул и рванулся из наших рук мальчик, я помню, как закричал он и еще рванулся и вырвался в грязь хлеб.

— Поймался.

Мы подвели — подтащили — плачущего и повторяющего „мама“ мальчика к Ильюшке. Тот был старше нас года на три. Он умел ругаться и курить, дрался на кулачках и умело, наверно, очень больно ударил пойманного „под мышки“. Мы держали... и я заметил, что у Ильюшки в руке камень... острый, черный, угольный камень. Не знаю, почему-то я испугался Ильюшки и отпустил руку пленника, а тот забился, как котенок и ударил кулаком в грудь Ильюшке.

— Еще драться, гадога! — закричал Ильюшка и, как мог свирепо, ударил по лицу мальчика черным камнем... Не помню... Мы с кем-то побежали прочь и дрожа замерли у ворот. Следом прибежал и Ильюшка. Он не совсем храбро произнес:

— Прикидывается... упал... тронуть нельзя.

Оправившись, добавил:

— Ну, и ему дал, будет знатно!

И предложил:

— Айда, ребята, к чеботарю.

Чеботарь знал все наши тайны, он любил детей и был, в сущности, не плохим человеком. Узнав и это, подумал. Дал совет:

— Камнями нельзя, дураки!

Засучивая драгу, засмеялся.

— Кагал теперь подымут.

И мы, дети, играя у чеботаря в „пьяницы“, очень смеялись.

— Кагал... ..

В Новочеркасске в 1919 г., в дни атамана Краснова, казачьими офицерами был изловлен на вокзале журналист, которого контр-разведка весьма желала расстрелять, зная, что журналист этот „жид“ и посему пишет „жидовские статьи“.

Журналист этот был старым сотрудником газеты „Приазовский Край“, газеты отнюдь не левой, рожден был русским, и не только русским, но происходил из казачьей семьи. В контр-разведке все было решено. Его ожидали шомпола и смерть. Он уверял офицера, что он — истый донец и что против атамана никогда не выступал, а тем временем два казака его раздевали.

Стянули костюм и волокли рубаху... На груди увидели большой золотой крест.

Переглянулись.

— Прочитай „Отче наш“.

Прочитал. Послушали.

— Скажи — „кукуруза“.

Сказал:

— Кукуруза.

Позволили, по его просьбе, знакомым его, вызвали поручителей. Извиняясь, пожали руку:

— Бывает, знаете...

— Но, может быть, я действительно писал что-то такое? — спрашивал струсивший журналист.

— Нет, — сказали ему откровенно. — На вас материалов не имеется.

А казак, который должен был прикончить этого человека, крестился.

— Слава богу! — а то бы грех на душу взял.

И когда недавно в Ростове мне передали эту историю, опять ярко припомнилось детство и глухая грязная улица, сумерки осени, когда я с мальчишками ловил маленького Наумку, держал его за руку, а Ильюшка свирепо, жадно бил его черным острым камнем.

За что?

За то же самое, за что казаки хотели расстрелять какого-то неизвестного газетчика.

Прошлым летом в Харькове, пересаживаясь на кавказский поезд с Украины, я выбирал на вокзале книжку у киоска. К киоску подошел человек среднего роста, в очках, с черными, поседевшими у висков, волосами. Седина была, несомненно, ранняя, и я, внимательно взглянув на этого человека, попытался... У него на левой щеке был желтый глубокий шрам... Конечно, это был он... К нему подбежал мальчик, кудрявый и черненький, с лицом маленького Наумки, только этот мальчик был меньше и у него не было шрама на щеке. И женщина от выхода звала этого человека:

— Наум, скорее.

— Да, он. Мне захотелось окликнуть его, но он торопливо, нервно шагая, ушел к выходу, а я глядел ему вслед и все видел шрам на щеке.

Окликнуть... Но что бы я сказал ему? Как, какими словами напомним о себе...

„Помните, товарищ, меня? Нет? Помните, в сумерки, осенью, мы били вас? Я держал за руку, а Ильюшка вас ударил острым черным камнем в лицо... вы упали и, кажется, ползли в вязкой грязи, обливаясь слезами и кровью... у вас вот шрам на щеке“.

Да. Мне нужно было молчать.

Он ушел, ведя за руку мальчика — сынишку, у которого нет шрама на щеке, который вступает в жизнь с иным поколением, прекрасную жизнь великого братства народов.

Ник. Погодин.

Заседание Парижской конференции Амстердамского Интернационала. Сидят слева направо: Мертенс (Бельгия), Жуо (Франция), Персель (Англия), Удегест (Голландия), Лейкарт (Германия), Зассенбах (Австрия).

МЕЖДУ ФАШИЗМОМ И САМОЛИКВИДАЦИЕЙ

История Амстердамского Интернационала — желтого, реформистского Международного Объединения профессиональных союзов — могла бы послужить хорошей темой для политпросветительной кино-фильмы, — настолько она показательна для судеб социал-соглашательства в нашу, насыщенную социальной активностью, эпоху.

Когда мы говорим „Амстердамский Интернационал“ — мы разумеет только руководящую его верхушку: ибо в истории Амстердама массы не участвуют. Летопись Международного Объединения, это — хроника

Член английской делегации — Ситрин.

переживаний, достижений и падений его „вождей“, обогатившаяся на недавнем Парижском конгрессе крупнейшим скандалом, приведшим к уходу с конгресса английской делегации. Факт, знаменующий фактическое завершение идущей „на вершинах“ Амстердама переругивки сил. Она является итогом борьбы за гегемонию в Интернационале — Англии

и Германии. В довоенное время первый голос в международном продвижении бесспорно и безраздельно принадлежал Германии, но после войны главенство перешло к англичанам, а германцы первоначально даже не получили мест в президиуме. Германцы — внешне смирились: но внутри Интернационала они повели осторожно борьбу за восстановление прежней своей роли, пользуясь трениями между французскими и английскими лидерами. Борьба эта шла успешно; германцы постепенно, год за годом, не только закрепились в президиуме, но и взяли фактически в свои руки секретариат Интернационала. Уже на предыдущем конгрессе докладчиком по отчету Бюро Интернационала выступил германец. А на августовском 1927 года Парижском конгрессе — руководство определено уже перешло в германские руки.

Победе германцев в огромной мере содействовало катастрофическое положение Интернационала, к которому привела его борьба против Красного Интернационала профсоюзов. Наличие международного революционного центра профсоюзов — поставило под удар даже ту зыбкую связь, которая существовала до того времени между „вождями“ и массами.

Для спасения этих связей руководителям пришлось „сделать вид активности“. Это ввело их в эпоху потрясений, в эпоху авантюрных попыток тем или иным способом поддержать конкуренцию с Профинтерном. Но каждая авантюра в этой области только расшатывала и без того зыбкие внутренние связи. Никакой подлинной активности Амстердам проявить не мог: он цеплялся за Международное Бюро Труда — за его „законодательство“. Других средств к „социальному преобразованию“ нет в арсенале Амстердама. Оставалась словесность — агитация и пропаганда. Для осуществления ее Амстердам попробовал развернуть широкую издательскую деятельность: но в итоге непосильных агитационных напряжений Амстердам пришел к финансовому краху: он беззаконно расходовал на свои текущие нужды суммы, поступавшие в результате целевых сборов — в фонд борьбы против войны и т. п. Но и этих денег не хватало. Интернационалу пришлось закладывать и перезакладывать свое имущество, и все-таки от краха уйти не удалось: вопрос о финансировании стал для Амстердама вопросом жизни и смерти.

Но финансировать могут только американские союзы и союзы СССР: только две эти национальные организации способны мобилизовать крупные суммы сборами со своих членов.

Разрешить кризис можно было, таким образом, только привлечением в амстердамские ряды американцев или русских; привлечь и тех, и других невозможно, т. к. тенденции продвижения СССР диаметрально противоположны тенденциям движения американского.

Первоначально и англичане, и германцы одинаково пытались опереться на американцев: но английские лидеры, резким поведением английских профсоюзов вынужденные (опять-таки во имя борьбы с влиянием Профинтерна) прибегнуть к большему употреблению революционной фразы, чем это допускается реформистским ритуалом, скомпрометировали себя и Интернационал, в котором они играли решающую роль, перед недопускающими даже намека на революцию — американцами. Германцы использовали момент, заняв по отношению к советским союзам абсолютно непримиримую позицию и тем самым установив сердечнейшие отношения с Американской Федерацией Труда. Чувствуя, что они теряют под ногами амстердамскую почву, английские „вожди“ отступились от СССР. Но этим они „дополнительно“ скомпрометировали себя в глазах английских рабочих масс и ничего не выиграли в Интернационале, — руководящая роль все определеннее

переходила к германцам. Англичане попросили перестраховаться на счет экзотических стран. Один из секретарей Интернационала, англичанин Броун, за спиной Бюро повел отдельные переговоры с Мексикой, и т. д. Сторонники американской ориентации ответили на это созданием внутри Интернационала форменного антианглийского блока. Интрига против интриги.

Весь этот клубок взаимных подвохов и закулисных переговоров скандальнейшим образом распутан был на Парижском конгрессе разоблачением Удегеста, письмо которого к Жуо было, по-видимому, перехвачено англичанами, т. к. Жуо письма не получил, а Броун огласил его с трибуны конгресса. В письме этом „заговор против англичан“ вскрылся с совершенной ясностью. Разоблаченные ответили, в свою очередь, разоблачением махинаций Бруна, в его сношениях с Мексикой, и кандидатура англичанина Перселя, бывшего до Парижа председателем Интернационала, была провалена с редким единодушием, и предложенное англичанам при воссоздании Интернационала в 1919 г. право назначать председателя Интернационала было аннулировано.

Победа германцев, с одной стороны, знаменует переход Амстердама на рельсы уже неприкрытого, не замаскированного, как было в „английский“ период, классового сотрудничества, по американскому образцу.

С другой стороны, оставшимся в единичестве английским лидерам не остается ничего другого, как вернуться решительно на брошенный ими было путь англо-русского сближения, — путь, на который так определенно и настойчиво указывают им рабочие массы Англии. Правда, для них такой путь равносителен самоубийству, но выбора для них после Парижского конгресса, в сущности, нет.

„Политпросветительный“ вывод всего этого, столь поучительного эпизода, таков: пути бывшего „балансирования“ с каждым днем закрываются для реформизма: ему остается выбирать — между фашизмом или самоликвидацией.

Глава австрийской делегации — Зассенбах.

Новое понижение белогвардейцев. Только с случайностью — испортившийся после первого выстрела револьвер — лишила белоземгрантку Щепкину возможности убить нескольких сотрудников нашего посольства в Париже. Придя на прием

в посольство, под предлогом получения визы на въезд в Россию, из которой Щепкина уехала в 1920 г., она выстрелила в упор в швейцара посольства тов. Фомина, тяжело ранив его в голову. По показаниям Щепкиной, она решила стрелять в первого попавше-

гося в посольстве, и после ранения тов. Фомина хотела стрелять в обеславшихся сотрудников посольства, но револьвер испортился, и ее схватили раньше, чем она успела скрыться. Французская желтая пресса, захлебываясь, восхваляет Щепкину, стрелявшую в безоружного швейцара. В кругу — портрет тов. Фомина, ниже — Щепкина.

Диктатор и проститутка. Родриго Сорнано, видный революционный деятель Испании — депутат парламента, публицист — был выслан на необитаемый остров Фуэртевентура испанским правительством. На митинге в Мадриде он выступил с критикой диктатора Примо-ди-Риверы, который освободил осужденную за торговлю наркотиками проститутку и сместил председателя и члена суда, не согласившихся с указаниями диктатора.

Остров Фуэртевентура находится против пустыни Сахары, вода доставляется туда раз в две недели, и никто на этом острове не смог дожить до конца своей ссылки. Родриго Сорнано удалось с громадным трудом бежать на паруснике во Францию.

В 1926 году Р. Сорнано провел лето в СССР. В настоящее время он находится в Аргентине, где подвергается гонениям и испанского посла Амальфи и президента Альвара за прочитанную им лекцию „Альфонсо XIII и будущее

Испании“, так как президент Альвара заявил, что он не может допустить публичной критики „своего друга и джентльмена“ — испанского короля.

В беседе с нашим сотрудником Р. Сорнано сказал: „Горячо приветствую „Огонек“, с которым имел удовольствие ознакомиться во время моего пребывания в Москве. Выражаю через „Огонек“ свои лучшие пожелания новой России“.

На снимке: Родриго Сорнано.

У военного барона своя фантазия. В Европе нет почти ни одной страны, где семья Ротшильдов не имела бы свою

ветвь. Кто не знает этих миллиардеров, наживших состоя-

ние преимущественно на военных займах. Один Ротшильд богаче другого; миллионов их не счесть, в миллиардах запутавшись.

На снимке: Ротшильд английский. Почувств в воздухе запах назревающей войны, Ротшильд английский обрадовался и в предвкушении крупных барышей устроил недавно в своем парке настоящие военные маневры — парад и спортивные состязания целого гусарского полка.

Анаст. Н. Я. Марр — скульптура В. Д. Клобукова.

Секретарша премьер-министра. На нашем снимке — Надина Хвунг — дочь дипломатического представителя Китая в Испании. Эта особа вполне эмансипирована — она получила высшее образование, знает много ино-

странных языков, остригла волосы, управляет автомобилем. К сожалению, в свою современность, и образование она направила против угнетенного Китая и служит контр-революции. За свои заслуги в качестве сотрудника контр-разведки Надина Хвунг возведена маршалом Чжан Цзо-лином в чин полковника и назначена секретарем премьер-министра.

Лучшие рассказы Н. Лещинского посвящены дореволюционному подпольному быту партийных работников. Несмотря на обилие рассказов, изображающих жизнь и борьбу революционеров в период нелегальной работы, рассказы Н. Лещинского прочтутся с большим интересом: слишком хорошо знает автор изобразительную среду. Много горечи содержат страницы его

Буржуазия готовит себе омену. На аристократическом пляже Франции в Довилле тысячная толпа раздраженных бездельников окружила трибуны и ожидает состязания, — как вы думаете в чем? — в модах на детские платья. Маленькие девочки

и мальчики, сыновья и дочери довилльских „львов“, чинно шествуют по трибунам, демонстрируя богатство и вкус своих родителей. С молоком матери всасывают эти обезьянки глупое тщеславие и любовь к роскоши.

книги. Язык Н. Лещинского — простой и ясный. Образы —

изображающие жизнь парижских бедняков, уже успели обратить на себя внимание. Рассказы Пуляйя производят сильное впечатление.

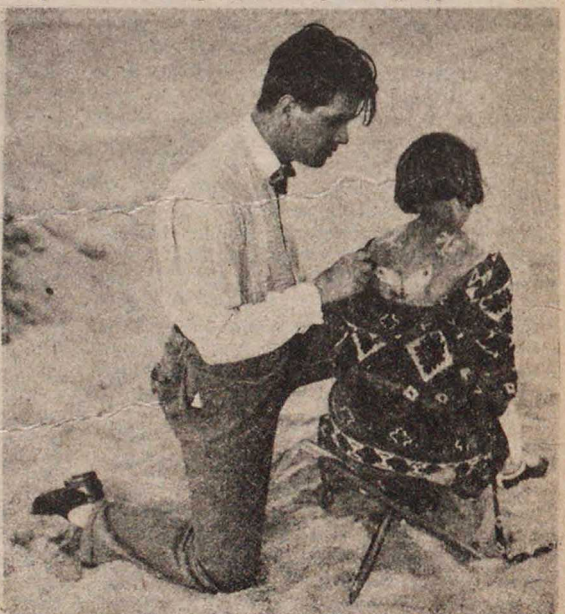
четкие, общий тон — глубоко-правдивый.

Анри Пуляйя — современный французский писатель, в недавнем прошлом — рабочий-механик — начал писать только в 1924 году. Но его рассказы,

они не банальны, они трогают читателя особой теплотой.

Как и книжка Н. Лещинского, она издана Библиотекой „Огонек“ и рассылается с настоящим номером журнала.

Загар по-европейски. Солнце, море, песок и безделье вынуждают посетителей европейских курортов выдумывать все новые фортели для своего развлечения. На пляже художник, за приличное вознаграждение вырезает фигуры из бумаги

и листьев и наклеивает их на обнаженные спины дам. На солнце кожа вокруг бумажных фигурок загорает, и на спине получаются узоры и везелы.

„Теория относительности“. Известный творец теории относительности в шуточной беседе со своим сыном (с которым он изображен на фотографии) дал ему своеобразный пример теории относительности: „Я — германский ученый, и немцы-обыча-

тели называют меня немцем, а французы — евреем. Если бы я был французом, то французы называли бы меня французом, а немцы — евреем“.

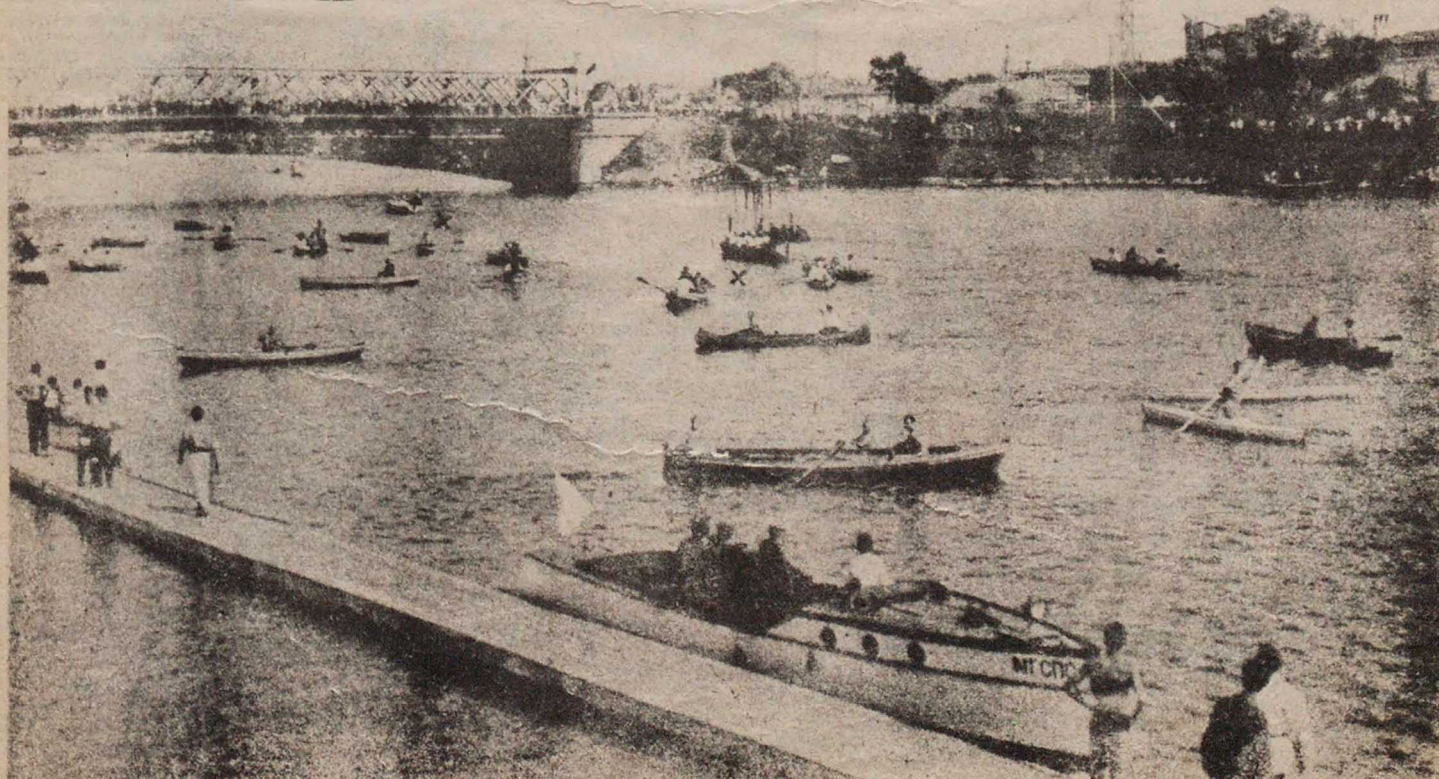
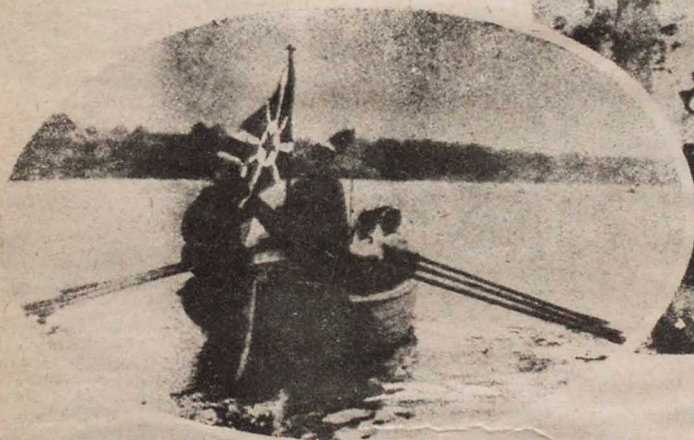
На снимке: творец теории относительности Эйнштейн со своим сыном.

МОСКВА СЕГОДНЯ

Фот. В. Лебеды.

Наверху — наши гости, французские пионеры, принимают парад московских пионеров. Справа — французский пионер Луи Риго приветствует наших пионеров. Внизу — старт шлюпочного (X) пробега Москва — Баку. В овал — одна из двух шлюпок на пути в Баку.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

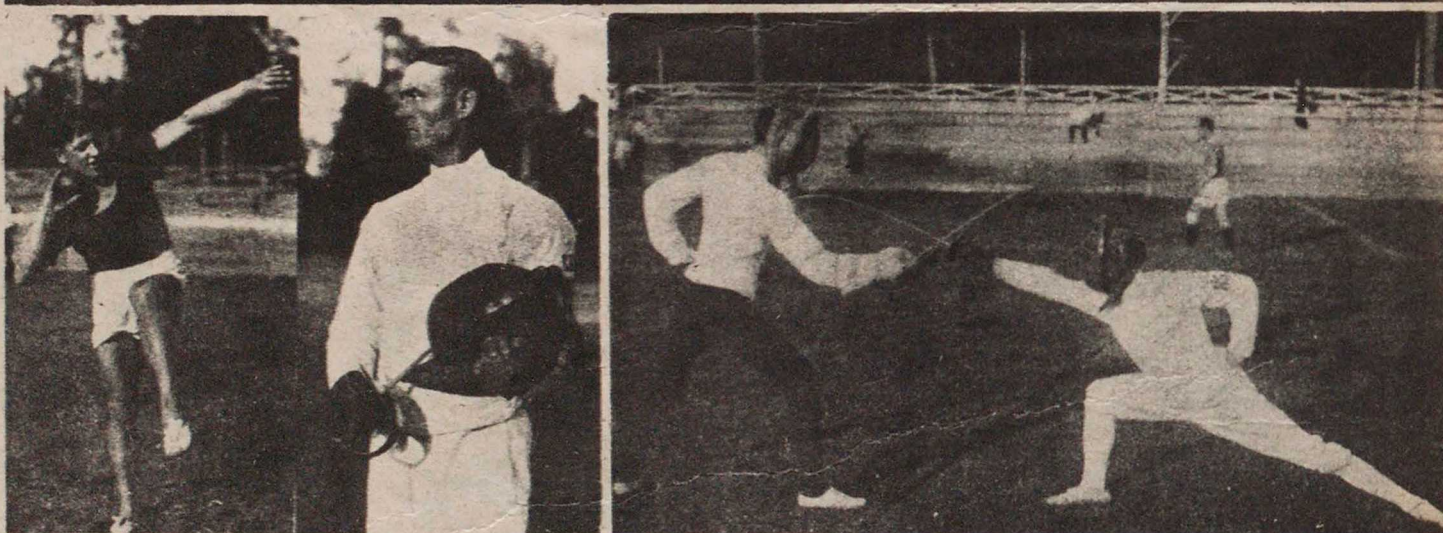
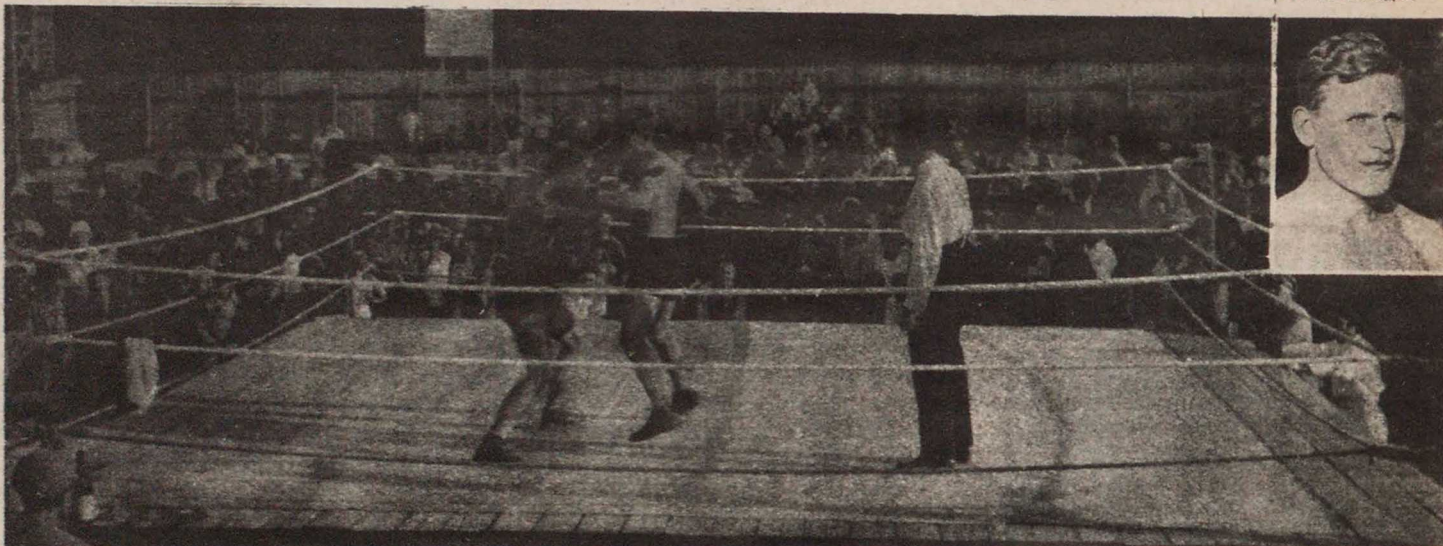

Старт европейского мотоциклетного пробега. Слева направо: г.г. Ив-
мон, Карнухен.
На втором снимке: возвратившийся в Ленинградский порт учебный парусник
„Товарищ“ после 14-месячного плавания в Южную Америку и обратно.
Фот. А. Бредского.

СПОРТ В КРАСНОЙ АРМИИ

Фот. В. Лободы.

В конце августа в Москве происходили спортивные состязания на первенство Красной армии и флота. На снимках: вверху — матч бокса; в углу — побе-
дитель — моряк т. Ветков; ниже, слева направо: победитель в толкании ядра т. Решетников — 11 метров 86 сант., далее — т. Климов, победитель
на западном сирова — фехтование.

Редактор МНХ. КОЛЬЦОВ. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Неприятные редакции рукописи не возвращаются. Перепечатка без уа-
зання источника — воспрещается. РЕДАКЦИЯ — Москва 9, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12; ГЛАВНАЯ КОНТОРА — Москва 9, Страстной бульв. 11; телефон: 3-12 56.
Отд. Распростр. — 5-51-69, 80-64. Подотдел подписки — 1-28-19. Редакция — 1-35-28. Бюро иногородн. объявлений — 3-91-48. Адрес для телеграмм: Москва Огонек.
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр. — 1500 р., строка непарелл. — 2 руб. 50 коп. Сверх тарифа — 10%
налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на „Огонек“ в один явл. „Альбома Советского Юмора и Сатиры“ (год. и полугод. подл.) 1 м. — 40 к., 3 м. — 1 р. 20 к., 6 м. — 3 р.
и 1 г. — 5 р.; с двумя явл.: 1) тома „10 лет Советского строительства“ и 2) „Альбома“ (только годовым и полугодовым) 6 м. — 4 р. 50 к., 1 г. — 6 р. 50 к.
с тремя явл.: 1) „Библи. Огонек“ (еженед. 2 кн.) 2) „10 лет Совет. стронт.“ и 3) „Альбома“ (только годов. и полугодовым) 6 м. — 9 р. 50 к., 1 г. — 15 р. Прил.
„10 лет Сов. стронт.“ всем остальным подписчикам „Огонька“ — 2 р., „Альбом“ — 1 р.

ГОСМЕДТОРПРОМ
ХИМФАРМЗАВОД
ИМ. Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

и другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изящном футляре—21 предмет.
„Б“ 3 р. — Домашняя аптечка—21 предмет.
„В“ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—24 предм.
„Г“ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.
„Д“ 50 к. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылается не менее 8 шт.)
„Е“ 3 р. 50 к. Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.
„Ж“ 4 р. — Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.
В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ пишется на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.

Прейс-курант высылается **БЕСПЛАТНО**.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРПРОМ, Отд. посылок № 7.

**ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА
ЛАБОРАТОРИИ КООП. Т-ВА
„ЭЛЕМ“
МОСКВА, МАЛ. ДМИТРОВКА 17**

Единственно настоящий ДЕПИЛЯТОРИИ W. M.—по-рошок для уничтожения волос, где того требует красота и гигиена тела. рождает в зеленых коробках. Ц. 1 р. 25 к., 2 р. 50 к. и 4 р. 50 к. Рост волос замедляется. РОССЕТСКИЙ ВОССТАВЛИТЕЛЬ посевших волос, фл. 2 р. КРЕМ ДЛЯ БРИТЬЯ „Elem Euxis“ без воды, без мыла, без кисточки, экономия времени, туба 90 к. Высыл. только по получении. 25% стоимости. Продажа в аптеках, магазинах санитарии и гигиены.

**ПРОИЗВОДСТВО
МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ
ГОЛОВИНА
ВЕНСКИЕ 2-х и 3-х рядные
и хроматич. БАЙНЫ
гармоники, ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ,
ПОЛУБАЙНЫ.**

БАЛАЛАЙКИ. Требуется иллюстриров. прейс-кур. за две 8 коп. марки, влож. в конверт. Москва, почт. ящ. № 707/0.

**Государственные
Промышленно-Экономические
КУРСЫ**

Ленинград. Просп. 25 Октября, 56.

Открыт прием на отделения:

- 1) Бухгалтерское—годовое;
- 2) Промышленно-Экономическое—2-годовое.

Занятия утренние и вечерние.

БЕРЕГИТЕ ВОЛОСЫ!
МОЙТЕ ГОЛОВУ, УПОТРЕБЛЯЯ
ШАМПУНЬ

ТОЛЬКО Г. ПЕТРОВА САМЫЙ ЛУЧШИЙ И ДЕШЕВЫЙ
УХОД ЗА ВОЛОСАМИ

ПРОДАЕТСЯ В АВТОКАХ, МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ И ГИГИЕНЫ.
ВЫСЫЛАЮ один пакет по получении. 20 коп. (почт. мар.). Адрес: Технохимич. Пр-ство Г. Петрова, Москва, центр, почт. ящ. № 755.

СЕРЬГИ

посл. моды Париса серебр. с жемчуж. иск. высыл. нал. плат. за 4 р. 2 п.—7 р. 3 п.—9 р. Ленинград, пр. Нахимова 15, кв. 29 Л. Штейн.

У СЕБЯ ДОМА

каждый может легко приготовить

ПРЕВОСХОДНЫЙ НЕФИР

из нефириных лепешек провизора Я. И. Александрова, разрешенный Наркомздравом Р. С. Ф. С. Р. ЛЕНИНГРАД, Саперный, 5, кв. 6. тел. 5-40-82 Пров. Я. И. Александрову.

САМОУЧИТЕЛИ

**ПО ВОТНО-ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ
ДЛЯ БАЯНА**

Орландоний-Титаренко, для разных систем. Ц. 3 р.

ДЛЯ ГАРМОНИКИ 3-РЯД.

Орландоний-Титаренко, с новейшими пьесами. Ц. 1 р. 50 к.

ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ

М. Исаков (по цифров. системе) Ц. 75 к.

ДЛЯ МАНДОЛИНЫ

М. Исаков. Нов. самоучитель с 47 пьесами. Ц. 1 р. 50 к.

М. Исаков. 15 альбомов для манд. с пьесами новинками. За альбом от 1 р. до 1 р. 50 к.

ДЛЯ ГИТАРЫ

А. Фишер (по цифровой сист.) с 22 нов. пьес. Ц. 1 р.

М. Исаков. Новые пьесы Ц. 1 р. 25 к.

Струнные мелк. муз.к. принал. для всех инструм., а также БАЛАЛАЙКИ в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 р.

ГИТАРЫ в 10, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

МАНДОЛИНЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

Высыл. налож. плат. до 5 р. без задат. Перес. за счет заказчика. Заказы направ. по адресу:

**ПОТНЫЙ СКЛАД
ЛЕОН ВАЛЯЩИК**

Ленинград, Гостиный двор, 12.

КУРСЫ

Ленинград, ул. 3 июля, 55.

Содействие в ведении Профобра. Прат. Пром.-Экономич. Курсы

- 1) ПРОМ.-ЭКОНОМИЧ. (2-х-летние).
- 2) БУХГАЛТЕРИИ (основн. и спец.—годов.).
- 3) МАШИНОСТРОИТЕЛИ.
- 4) СЕКРЕТАРИАТА И СТЕНОГРАФИИ. Принимают без испыт. оконч. 9-летки и 7-летки или с счетов. и канц. стажем в порядке подачи заявл. и взноса первой платы (7—10 р. в м-ц). Бесплатно только по команд. Лен. парт. и проф. орг. Состав преподавателей: Проф. Н. А. Блатов, В. А. Гаврилов, П. Д. Гурьянов, Л. А. Кан, И. А. Кошкин, Н. Н. Лазаев, С. В. Мыльников, проф. И. Н. Треницын и др.

Зав. курсами Ал-р Льв. Майзельс.

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по устарелым методам. Наилучшим признан новейший метод МЕРТНЕРА, избавляющий от необходимости заучивания слов и правил.

Самоучитель в 10 выпусках высылается за 2 руб. 85 коп. Москва, ул. Герцена, д. 9/3. „Русско-Иностранная Книга“.

**35 ЛЕТ ИЗВЕСТНО
ВСЕМ, ЧТО
РЕЙНГЕРЦА
МОЗОЛЬНАЯ
ЖИДКОСТЬ
УНИЧТОЖАЕТ МОЗОЛИ И БОРОДАВКИ
С КОРНЕМ.
Остер. подделок! ПРОД. ВЕЗДЕ.**

**Лучшие в СССР копировально-множительные аппараты
СОЮЗНЫЙ МНОЖИТЕЛЬ**

Ленинград, Кокушкин пер., 1. Адрес для телеграмм: Ленинград, „СОЮЗМНОЖИТЕЛЬ“.

Аппарат дает неограниченное число копий, не требуя больших расходов и по качеству превосходящий заграничные РОТАТОРЫ. Благодарств. отзывы разных госу-удств. со всех концов СССР. Прейс-куранты, проспекты, руководства высылаются бесплатно по первому требованию.

ФОТО-ЛЮБИТЕЛИ!

ПРИБОР ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ЭКСПОЗИЦИИ

СОВФОТО

дает возможность легко, быстро и просто находить выдержку для всех сюжетов, при любой погоде и во всякое время года

.....

Заявочное Свидетельство № 16357

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
„СОВЕТСКОЕ ФОТО“
Цена 60 коп.

Требуется во всех книжках и в лучших фотографических магазинах.

**ВСЕМ И ВСЕ
ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ
ВЫСЫЛАЕТ**

**БЮРО СНАБЖЕНИЯ
ПОЧТОВЫМИ ПОСЫЛКАМИ**

без задатка, наложенным платежом: школьные, канцелярские принадлежности, галантерея и трикотаж. ВСЕ ДЛЯ СПОРТА. РАДИО, охотничьи принадлежности, все для фотографии, МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, КЛУБНЫЕ ИГРЫ (шахматы, шашки и др.), карманные электр. фонари, ЧАСЫ-ХОДИКИ, ведачности, резиновые пальто, примус, самовары и друг. предметы широкого потребления. Требуется иллюстрированный КАТАЛОГ. ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО. Адрес: Москва, Главп. почтамт, почт. ящик № 1215, или Москва, 9, Газетный пер. № 5 Бюро снабжения Почтовыми посылками. Для телегр.: ПОСЫЛКА СНАБЖЕНИЕ.

**ГРИМ
ГЛАЗ**

МОСКВА, Кривоколенный 14, кв. 3, А. Зыков.

**ПРОИЗВОДСТВО
НАРОДНЫХ
МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ
ВИНОГРАДОВА**

Москва, Центр, Вол. Сухарева, пл. д. 9/4.

**ВЕНСКИЕ 2 и 3-рядные
гармоники,
БАЙНЫ и ПОЛУБАЙНЫ. ЦЕНЫ
— ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ —**

прейс-курант высылается за две 8 к. прк., иложен. в конверт. Виноградов.

**КАЗИМИ
КРЕМ
МЕТАМОРФОЗА**

**ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО
ПРОТИВ
ВЕСНУШЕК И
ДРУГИХ НЕДОСТАТКОВ
КОЖИ
ЛИЦА**

На днях выйдет

новый выпуск модного журнала

МОДЫ СЕЗОНА

выпуск второй — ОСЕНЬ.

ЖЕНСКОЕ ВЕРХНЕЕ ПЛАТЬЕ ПОСЛЕДНИХ
ЕВРОПЕЙСКИХ ФАСОНОВ. ПЛАТЬЯ. БЛУЗЫ.
ЮБКИ. БЕЛЬЕ. КАПОТЫ. ДЕТСКИЕ КОСТЮМЫ
И ВЕРХНЕЕ ПЛАТЬЕ. ШЛЯПЫ И НОВЕЙШИЕ
МЕЛОЧИ ЖЕНСКОГО ТУАЛЕТА. МУЖСКАЯ

СТРАНИЦА.

РИСУНКИ — КРАСОЧНЫЕ.

ОБЛОЖКА — ЦВЕТНАЯ.

Продается у всех газетчиков, в киосках, на ст.
жел. дор. и во всех модных магазинах.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

Требования адресовать: Москва 9, Тверской
бульв. 26, Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“

ТАБЛИЦЫ

для вычисления
процентов от 1% до
до 120% (10% — 120%)
Составлено строго проверено специа-
листов и банковских дела

З. П. ЕВЗЛИНЫМ.
НЕОБХОДИМОЕ ПОСОБИЕ
для бухгалт., банковск., налог.,
финанс., страх., тарифн., коопер.
и пр. лиц, работающих с расчетом.

Цена в перепл. 2 р.
с перес. 2 р. 20 к., н. л. п. 2 р. 30 к.
Денги и заказы адресовать:
Ленинград, Копенский пер., 2А
„АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“.

КАЖДЫЙ МОЖЕТ Получить Портрет

в паспарту 18 × 24 — 5 руб.,
24 × 30 — 7 руб., 30 × 40 — 10 руб.,
40 × 50 — 12 руб., 50 × 60 — 20 руб.
Ровно через 2 недели по получ.
карточки на адрес: МОСКВА,
почт. якт. 508, или ул. Володар-
ского, № 14.

Фотография Н. ПРАСОЛОВА.
Заказы высыл. платж. платежом.

Новые книги:

ШИШКО. — Части зданий. Справ.
практ. рук. для инж. и строи-
телей. 584 стр. текста и 1033 рис.
Ц. в перепл. 15 р.

ЕВДОКИМОВ-РОКОВОТОВСКИЙ. — Орга-
низация строительных работ. 5 р.
ГОФМАН. — Холодильные машины.
4 р. 50 к. ИВАНОВ. — Водоснаб-
жение и канализация поселков. 5 р.
КАРПОВ и ШИЛОВ. — Электротехника
в фабрично-заводском деле. 4 р. 50 к.
ЗАЗЕРСКИЙ. — Отопление и вентиля-
ция. 3 р. Боргман. — Выделка подо-
швенной кожи. 3 р. 50 к. Его же. — Вы-
делка мягких сортов красной кожи.
3 р. 50 к. Вильсон. — Химия
кожевенного производства. 4 р. 50 к.
Кроули. — Обработка кожи. 1 р. 75 к.
Мургер. — Катехизис машиниста 1 р.
50 к. Нубер. — Справочник по тепло-
технике. 1 р. 60 к. Абасов. — Техноло-
гия металлов. 2 р. Деречей. — Общие
свойства и получение металлов и сплавов.
2 р. 10 к. Косовский. — Рабочий
справочник по чугуно-литейному
делу. 2 р. 50 к. Гитис. — Теория и
эксплуатация автомобилей. 2 р. 50 к.
Лобель. — Техника кинематографии.
2 р. 50 к. Шротт. — Руководство для
кино-механиков и администраторов.
3 р. ЛООС. — Организация завод-
ских предприятий. 2 р. Шерлях. —
Накладные расходы в себестоимости
производства. 2 р. Шифрин. — Полный
немецко-англо-русский технический
(по Шломану). 15 р. Гасам. — Това-
роведение. 2 р.

Заказы адресовать: Московскому
Акц. Издательскому Обществу.
МОСКВА 6, Малая Дмитровка 8/в.

Заказы исполняются наложенным
платежом без задатка, с добавлением
стоимости пересылки.

БЕСПЛАТНО!

Даем справку в любой книге, а также
любую книгу

как старую, так и новую в 3-х дневн.
срок высыл. налож. платеж.

Адресовать: МОСКВА, Центр. Поля-
тех. Музей „КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ“
пом. 116/0.

Для ответа просит прилагать почт.
марку.

Новые книги

— ПО РЕМЕСЛАМ —
и производством:

ГОФМАН. Токарь по дереву и
металлу. 1 р. 50 к. Доброхотов.
Электромонтер. 60 к. Образцов. Как
варить мыло. 70 к. Быковский. Чер-
тежник-самоучка. 75 к. Песочный.
Столярное ремесло. 3 р. 50 к. Его
же. Обработка дерева. 3 р. 50 к. По-
рецкий. Кузница и работа в ней.
50 к. Самойлов. Мукомольное про-
изводство. 1 р. Его же. Маслобойное
производство. 60 к. Быковский. Кол-
басное дело. 40 к. Ялини. Виноку-
ренное производство. 1 р. 50 к. Его
же. Жиры и масла. 1 р. 50 к. По-
левский. Домашнее приготовление
плодов и ягодных вин. 1 р. 50 к.
Штейнберг. Практическое огоро-
дничество. 4 р. Балабанов. Плодоово-
дство. 1 р. Клейн. Молочное хозяй-
ство. 3 р. КАЧМАРЕК. Штампо-
вальное производство. 2 р. 50 к.
ПОКРАНД. Горячая штамповка
изготовление штампов. 3 р. 50 к.

Заказы адресовать:

Московскому Акционерному
Издательскому Обществу.

Москва 6, Малая Дмитровка, 8/в.
Заказы исполняются с наложен-
ным платежом без задатка, с до-
бавлением стоимости пересылки.

Бильярдный мастер А. К. ФАЛИН
Ленинград, Чернышев п., 20. Т. 169-30

„ДЕСЯТЬ ЛЕТ“ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В сборнике: А. И. Рыков, Ф. Ф. Расколников,
В. В. Шмидт, А. П. Серебровский, В. П. Милю-
тин, Ю. А. Ларин, А. Н. Бах, А. В. Луначарский,
Б. Е. Штейн, Я. Х. Петерс, С. С. Каменев, Мих.
Кольцов и друг.

Сборник подводит итоги достижений во всех
отраслях народной жизни и является ценным
руководством для изучения советской страны.

Сборник выйдет в сентябре. Размер — 25 печатных листов.
Цена по подписке, в перепл. (1-е изд.) — 2 р. В хорошем ко-
денковом переплете (2 изд.) — 2 р. 50 к.

По выходе книги из печати цена будет
повышена.

Заказы направлять — Москва 9, Тверской бул. 26,
Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

„СПУТНИК“ ЧЕРТЕЖНИКА

общедоступн. энциклопедия чер-
чения для справок и самообу-
чения.

Сост. П. И. Межеричером

В энциклопед. 10 вып. (только 800 стр.
и 750 календ.).

Каждый выпуск содержит самостоят.
отдел. Ц. за все издание с перес-
12 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА

при заказе — 3 рубля, при получении
каждого из первых 9 выпусков по
1 руб., 10-й выпуск высыл. открыт.
С 10 вып. бесплатно высыл. папка
для хранения всех выпусков.

Заказы и деньги адресовать: Ленин-
град, Ковенский пер., 2, Акаде-
мическому Издательству.

ВНИМАНИЕ!

— НОВЫЕ КНИГИ: —

Д-р КРАНФЕЛЬД. — Гинекоз и ин-
волюция 1 р., с пер. 1 р. 30 к. Д-р
ДРЕКСЛЕР. — Как предохранить себ-
я от беременности, неприбегая к абор-
ту. 112 стр. 32 рис. 1 р. 20 к., с пер.
1 р. 50 к. Д-р ЯКОБСОН. — Половая на-
ходность женщины. 2 дополн. изд.
с 28 рис., 2 р. 25 коп. Г. ГОРЧА-
КОВ. — Опытный рыболов-любитель
и ужение рыбы самодельными сна-
стями, около 100 рис., 1 руб., с пер.
1 р. 30 к. Прил. доц. РУДИНИЙ. —
Лечение солида — 1 р., с перес.
1 р. 30 к. ФОРЕЛЬ. — Половой вопро-
с, гинекологическое и социальное
исследование. 407 рисунков.
4 р. ПЕСОЧНЫЙ Н. — Полный курс
столярного искусства. 407 рисунков.
3 р. 50 к. РЫЛОВ. — Русские завет-
ства, растения. 2 т. 3 р. ДАВ-
СТРОТ. — Пчелы и улей. 4 р. БЕЛ. —
Ковод. железно-дорожн. машиниста.
XI изд. 5 р. БОРГМАН. — Выделка
подошвенной кожи. 3 р. 50 к. НАУМОВ.
— Двигатель внутреннего сгорания.
1 р. Требования адресовать: Ленинград,
пр. Володарского 55/б. Книжному
магаз. „ТЕХНИКА И МЕДИЦИНА“.

Уроки бухгалтерии

Зачто, попер. пере-
писки по почт.,
дает главбух-пре-
подаватель. Курс 3 мес. Плата 3 р в мес. Успех обеспечен.
Новороссийск, ул. Пар. Коммуны, 44, С. Л. Литман.

АДРЕСА

Для массовой рассылки каталогов, проспектов и др. реклам-
ного материала: подобранные в комплекты по всем признакам
промышленности, торговли, кооперации, просвещения, финансов,
„профессиональных, административных, общественных и др.
учреждений, организаций и предприятий, лиц свободных профес-
сий и т. п. и заготовленных в виде этикеток, годных к наклейке
на отправление.

МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ

В ЦЕНТРАЛЬНОМ „БЮРО АДРЕСОВ“
Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“.

Подробный каталог комплектов на 1927 г.
выходит из печати 1-го сентября с. г.

Условия сообщаются по первому требованию.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО АДРЕСОВ“

МОСКВА, Центр, Мясницкая, Кривоколенный
пер. д. 14 пом. 2.

КАЖДОМУ НЕОБХОДИМО! КАЖДОМУ ДОСТУПНО!

„ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО“

По первому требованию высылают почтовыми посылками наложен. авт

КРАТКИЙ ПРЕЙС-КУРАНТ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУ- МЕНТЫ:

Баялаи: с моск. кодами — 6, 6.25,
6.75, с механ. колк. — 7.80, 8.65, 9.60,
лучшие сорта — 13 р., 15 р., виолон-
сорта — 18 р., 20 р. Гитары: с моск.
колк. — 15 р., 18 р., с мех. колк. — 19 р.,
22 р. лучшие сорта — 26 р., 30 р., имсн.
сорта — 35 р., 40 р., концертные (с пер-
ламутром) — 50 р. Мандолины: лучшие
сорта — 25 р., 30 р., 35 р., виолон-
сорта — 40 р., 45 р., концертные (с пер-
ламутром) — 50 р., 60 р., Гармоники:
Подушечки — 35 р., 40 р., венские
двухрядные: 21 кл. 12 б. — 55 р.,
венские двухрядные — 23 кл. 12 б. —
75—80 р., венские шестнадцатые —
90 и 100 р. Скрипки (со смычком) —
от 30—75 р. Граммофоны: однору-
жьи: — 65—75 р., двухружьи: — 90,
100, 120 р., (граммофоны: пластин-
ки, ружья, мембраны).

Все инструменты строго проверен-
ные. Составление полного ансамбля
люблющего оркестра.
Пионерские барабаны — 15, 16, 19, и
25 р. Пионерские горны (с флажками —
19.50, 23, 27, 30 р.

МЕСТНОМ и ПОЛЛЕТИВАМ СКИДКА 5%. Заказы исполняются
быстро и аккуратно, наложенным платежом, по получении 25% задатка.
Пересылка и упаковка по себестоимости, за счет заказчика.
При высылке полной стоимости заказа вперед — УПАКОВКА БЕСПЛАТНО.
Полный иллюстрированный преис-курнт: музыка, спорт, фото-
графия, канцелярия, карманные часы, хозяйственный
отдел, радио, краски для материи, кожаные туфли и пр.
высылаются за две недели — последние марки, вложенные в конверт.
Адрес для писем и денег: МОСКВА, г. Почтамт, якт. 1031 „ПО-
СЫЛОЧНОЕ БЮРО“. Адрес для телеграмм: МОСКВА, „ПО-СЫЛОЧНОЕ БЮРО“.

КЛУБНЫЕ ИГРЫ:

Шахматы — 1.50, 2.50, 3, 3.75, 5, 7, 8,
и 10 р. Доски шахматные — 2, 2.50, 3
и 5 р. Шапки — 45 и 60 коп. Доски
картонные — 45 коп. шт. Домино — 1.50,
1.50, 2.50 и 3.75. Лото — от 2.50—1.50.
Карманные электрофонари: с 1
стеклом — 3.50, с боковым стеклом —
4 р. Зарядные батареи — 35 к. А.
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
Самовары никелированные, оловянные,
25, 30, 35 р. шт., ружья — 30, 35,
40 р. шт., (подковы, подоскал-
ным, чайники). Пришур — 8.50. Неро-
синовая нитка (типа Герн) с 2-мя
фитилями — 13.50 шт. (Пож, выки,
ложки). Портфели кожаные — от
12—30 р. Бритвы заглаз. — 12, 15 и
20 р. шт., бритвы русские — 4, 6 и
7 р. 50 к. шт. Бритвы безосновные —
5 р., 6.50 и дороже. Бритвенные при-
боры (никелевые) — 5 р. и 7.50.
Часы (кожи) — 5.50 и 6 р.

РАДИО:
Стандартные посылки (радиоприем-
ник с монтажным материалом, при-
способленный для слушания на даль-
ней расстоянии) — 35, 40, 60 и 65 р.
(Длины, телефоны, детекторы, ре-
продукторы, усилители, аккумуля-
торные и анодные батареи).